

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ТАНЦУЮЩАЯ
С ДЬЯВОЛОМ

РАНО ИЛИ ПОЗДНО ВОЗМЕДИЕ НАСТИГНЕТ...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Танцующая с дьяволом

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев А. В.

Танцующая с дьяволом / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-86713-4

Успешная бизнес-леди Лариса Марыгина осматривала новый офис, который собиралась приобрести ее компания, и неожиданно наткнулась на странную комнату. Когда бронированную дверь вскрыли, в помещении обнаружили вещи, принадлежащие жертвам маньяка-убийцы. Лариса сразу поняла это, ведь много лет назад трагедия коснулась и ее семьи. Женщина до сих пор мучительно переживала, казня себя за то, что не смогла предотвратить ее... И вот теперь ей в руки попали неопровержимые доказательства, которые позволят покарать монстра! Но справится ли она с ним в одиночку? Лариса еще не знала, что вскоре у нее появится верный союзник, ведь помощь пришла оттуда, где она даже не подумала бы ее искать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86713-4

© Леонтьев А. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Девять лет спустя	12
Три дня спустя	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Антон Леонтьев

Танцующая с дьяволом

© Леонтьев А.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

– Мама, мамочка, у меня болит живот! – произнес Тимка, хитро прищулив один глаз. – Можно, я не пойду сегодня в музыкалку?

Лариса, взглянув на сына в зеркало заднего вида, услышала писк мобильного и попыталась нащупать его, однако проклятый аппарат выскользнул из рук и улетел вниз, под педаль газа.

И ведь наверняка это была Алла Георгиевна! Ну конечно, она самая, нетерпеливая, властная, ненавидящая возражения начальница...

Начальница, которая более всего не любит, когда подчиненные не отвечают на ее звонки. А еще страшнее – «сбрасывают» их.

А судя по тому, что мобильный замолк, звонок при падении оказался именно что «сброшенным».

– Мама, мамочка, ну пожалуйста! – продолжал нудеть Тимка, который, несмотря на свои семь лет, был великим стратегом и отличным тактиком и всегда получал то, к чему стремился. Ну, или *почти всегда*.

Телефон запищал снова, Лариса, придерживая левой рукой руль, нагнулась, стараясь правой нащупать мерзкий кусок пластика, издающий столь неприятные звуки. То, что она не приняла, – вернее, по версии Аллы Георгиевны, конечно же, «сбросила» ее звонок, – это еще полбеды.

Окончательной бедой было бы, если бы она не приняла или «сбросила» *второй*...

– Ну мамочка! Ты же не можешь заставить меня, больного ребенка, переться в музыкалку! – ныл Тимка. Лариса в сердцах прикрикнула на сына, чья антипатия к музыкальной школе была ей отлично известна, но она уже второй год подряд пыталась это игнорировать.

– Замолчи, пожалуйста! Я ведь знаю, что ты врешь! Никакой живот у тебя не болит!

Сын обиженно всхлипнул, а Лариса, воспользовавшись тем, что автомобиль как раз остановился на красном свете, быстро нагнулась и нащупала надрывающийся мобильник.

– Да, Алла Георгиевна! – произнесла она, сразу же приняв звонок и более всего опасаясь, что мегера-начальница уже потеряла терпение и положила трубку.

Однако это была не Алла Георгиевна.

– Лариса, нам нужно поговорить! – донесся из аппарата командирский голос ее бывшего, Антона. Лариса про себя застонала – хотя, кажется, не про себя, а очень даже явно.

– Нам не о чем говорить! – заявила она, намереваясь завершить ненужный контакт с этим ненужным человеком. Человеком, которого она когда-то очень сильно любила. И который был отцом того, кто скрючился сейчас на заднем сиденье ее «Хонды» и делал вид, что терзается ужасными болями, желая получить разрешение не идти в этот вторник на занятия в музыкалку.

– Есть о чем! – прорычал ее бывший. Неужели это тот человек, который умел быть таким ласковым и нежным, таким... *Таким чувственным в моменты страсти?*

А еще ужасно мелочным, необычайно истеричным, фантастически жадным и, что кошмарнее всего, в пух и прах изовравшимся.

Да, он – *многогранный*. Именно так Антон любил характеризовать себя, отчего-то считая данный эпитет комплиментом.

– И о чем же, многогранный вы наш? – саркастически спросила Лариса, услышав нетерпеливое гудение и не поняв сначала, что за идиот стоит на перекрестке и не едет дальше, хотя красный сигнал светофора уже давно сменился на зеленый.

Идиотом была она сама.

Какой-то крутой лихач на крутой же тачке обогнал ее, нахально выехав на встречную полосу; за рулем находился распушенный мажор, а сидящая около него расфуфыренная девица

в декадентских серебристых мехах, явно представительница платиново-иридиевой молодежи столицы, показала ей средний палец, увенчанный розовым когтем и украшенный перстнем с изумительно переливающимся камнем, на который не хватило бы всех заработков Ларисы за всю ее трудовую жизнь.

Девушка гаркнула какую-то гадость, причем даже матерную, а Лариса, раздосадованная всем, что навалилось на нее в этот вторник, в сердцах крикнула:

– На себя посмотри, шлюха великосветская!

И, конечно же, сразу пожалела об этом, потому что Тимка, только что изображавший из себя тяжелобольного и дожидавшийся материнского разрешения не ходить в ненавистную музыкалку, стал корчить несусветные рожи, грозить умчавшейся в асфальтную даль иномарке с мажором и девицей в мехах и с перстнем и на весь салон радостно вопить:

– Шлюха великосветская! Великосветская шлюха!

– Лариса! – возмутился ей в ухо бывший. – Чему ты учишь нашего сына? Ты думаешь, с учетом таких обстоятельств я разрешу ему остаться с тобой? Ты плохая мать!

– А про тебя я даже не могу сказать, что ты плохой отец, Антоша! – холодно ответила Лариса. – Потому что ты ему отец вообще никакой! Оставь нас в покое!

И завершила разговор. Разумеется, она тотчас пожалела об этих словах. И больше не из-за возможных душевных терзаний бывшего (весь процесс их расставания, а также предшествовавшие этому гадкий фарс и жалкая комедия, на которые у нее, без ее на то желания, был несдаваемый годовой абонемент, доказали, что души у Антоши нет по определению или что она, быть может, атрофировалась у него еще в эмбриональном состоянии), а из-за того, что эти слова мог слышать семилетний Тимка, отца, несмотря на всю семейную катавасию и его уход к новой женщине, успевшей от него даже родить, обожавший.

Но Тимка продолжал выкрикивать похабности, услышанные не от кого иного, как от нее самой, поэтому ее последнее замечание осталось незамеченным.

Лариса бросила взгляд на приборную доску – часы показывали без двадцати четыре. А ведь занятия в музыкалке начинаются в четыре! И, что хуже, полпятого ей нужно быть на планерке у Аллы Георгиевны – и это несмотря на то, что она упорно просила не назначать совещания на столь позднее время, в особенности во вторник, когда у Тимки музыкалка, и в четверг, когда у него бассейн.

Но, конечно же, Алле Георгиевне доставляло особое, явно *садистское* удовольствие раз за разом назначать планерку или на вторую половину дня на вторник, или на четверг – *или в оба этих дня*.

– Тима, перестань! – крикнула Лариса, а сын, на секунду прекратив распевать на все лады «шлюха великосветская», спросил:

– А если перестану, в музыкалку не поедет? Мамочка, ну давай сегодня пропустим!

– Только не говори, что у тебя болит живот! – отрезала Лариса. – Больные с улыбкой до ушей не распевают всяческую чушь в присутствии родной матери!

Тимка вздохнул, понимая, что попался. Потом его лицо помрачнело, и он сказал:

– Мамочка, ну пожалуйста, давай сегодня я не пойду! Да, у меня ничего не болит, но... Но у меня плохое предчувствие...

Лариса фыркнула – нет, какой, однако, в нем артист погибает! *У меня плохое предчувствие...* Хоть стой, хоть падай! Причем она даже знала, откуда он увел эту фразочку, звучащую из уст современного семилетнего мальчишки столь дико. Из воскресного фильма, который они (после отличной совместной прогулки в парке Горького), укутавшись в плед, смотрели вместе по телевизору. Этакий тоскливый триллер с элементами мистики, который семилетнему ребенку смотреть, конечно, не стоило, но ведь хитрец Тимка (вообще-то большой фанат «Формулы-1») добился-таки, чтобы она не переключила на другой канал. И вот там герой, обладавший экстрасенсорными способностями, кстати, тоже мальчик его возраста, причем даже чем-

то похожий на Тимку, время от времени выдавал эту фразу – после чего кто-то из второстепенных персонажей погибал.

Тут снова зазвонил телефон. Лариса схватила его и крикнула:

– Антон, я говорю совершенно серьезно! Оставь нас в покое, иначе...

– Лариса, вы где? – донеслось до нее раскатистое контрольное Алла Георгиевны. – Почему сбросили мой звонок?

Лариса пробормотала извинения, но начальница их проигнорировала и продолжила:

– У меня для вас поручение, причем крайне ответственное...

Иных – *неответственных* – у Аллы Георгиевны не было по определению.

...Они прибыли к зданию, в котором располагалась музыкальная школа, без трех минут четыре. Лариса вышла из салона и вынула из багажника ранец сына. Тимка, понурый и какой-то квелый, сидел на заднем сиденье и апатично смотрел в окно.

А может, Антон прав – *и она плохая мать*? Думает только о своей карьере. О том, как угодить этой мегере Алле Георгиевне. Как добиться скорого повышения и увеличения зарплаты. Ведь ей, матери-одиночке, оно ой как нужно! Ибо на Антона рассчитывать не стоит – больше того, что положено по закону, не даст, да и положенное выделит с жутким скрипом и таким мученическим выражением лица, словно она снимает с него последнюю рубашку. Думает она и о том, что один из коллег стал за ней ухлестывать, и ей, кажется, это даже приятно. И что отпуск, который они планировали на Новый год всей семьей, теперь, после ухода Антона, накрылся медным тазом и что не будет тебе никакого теплого ласкового моря и белого песка, раскаленного золотым солнцем...

Лариса присела перед сыном, поправила шнурки на навороченных, цветных, недавно купленных кроссовках, тыльной стороной ладони пощупала его лоб. Нет, температуры не было.

– Тимыч, ну в чем дело? – спросила она тихо.

Сын посмотрел на нее и вздохнул, а потом произнес:

– Mamочка, ты же знаешь...

Да, она знала, что он не переваривает музыкалку. Что ему хочется вместо этого ходить на футбол. Но знала и то, что они с сыном договорились, что примут решение относительно этого после того, как он проходит в музыкалку три года, а миновали только полтора.

– Тима, и ты знаешь! – сказала она и попыталась привлечь его к себе, чтобы поцеловать в лоб. Но сын вывернулся и неожиданно громко ответил:

– Да, я знаю! И не отказываюсь от своего слова, мамочка. Ты же меня знаешь!

Да, она его знала. Тимка прилагал все усилия, чтобы увильнуть от тяготивших его обязанностей, но если ничего не выходило, с честью и стоическим терпением выполнял их, не жалуясь, не скуля и не обманывая.

Лариса все же привлекла сына к себе, поцеловала, провела рукой по его вихрастой макушке и сказала:

– Ну, Тимыч, тогда в чем же дело?

– Mamочка, у меня плохое предчувствие! – повторил он с видом страдальца.

Лариса вздохнула, поднялась и протянула сыну ранец. Что ж, раньше он не врал, а сейчас, кажется, начинает меняться. Наверное, весь в папочку: что поделать, *гены*. Раньше делал то, к чему и душа не лежала, а теперь, взрослея, начинает изобретать фантастические отговорки.

– Ты же знаешь, Тимыч, уговор дороже денег, – напомнила Лариса. – Мобильный включен? Если твое предчувствие оправдается, сразу звони!

Хотя какое такое *предчувствие*? Никакого такого *предчувствия* у Тимки, естественно, не было. Просто запомнил хлесткую фразу из этого идиотского фильма, в котором все было притянуто за уши, в особенности развязка, и решил испробовать на мамочке.

Да, растет сынок. Но что она может поделать?..

Сын нехотя поднялся с сиденья и шагнул на покрытый ноябрьской слякотью тротуар. Лариса помогла ему закинуть на спину ранец и пригладила взлохмаченные кудри.

– Смотри, Тимыч, ведь уже середина ноября. Всего четыре раза в музыкалку – а потом каникулы! И Новый год!

Сын по-стариковски вздохнул:

– Не всего, а *целых* четыре раза. И не четыре, а с сегодняшним – целых пять, мамочка! Пять раз этот ужасный ужас!

Лариса рассмеялась, поправила ляжку ранца, хотела было захлопнуть дверцу автомобиля, чтобы проводить сына в музыкальную школу, но заметила что-то яркое и блестящее на заднем сиденье.

Ну конечно, *Электроник*. Именно так, без «р». Робот-трансформер, которого Антон подарил сыну в тот день, когда заявил, что уходит из семьи. Как будто ребенка можно купить такими подношениями.

Оказалось, *можно*. Тимка был в восторге, висел на отце, бесился – и даже, кажется, не понял, что тот пытается так откупиться от собственного отпрыска.

Робот был, конечно, классный, умел ходить, стрелять из фырчащего и переливающегося синим и красным бластера, и легким движением руки его можно было переделать в космический корабль или динозавра.

Нет, плохим отцом Антон не был – он был отцом *очень даже продуманным*. Знал ведь, что приведет сына в восторг, и купил этого робота, хотя стоил он немало.

Но, видимо, в такую сумму Антон оценил их семейное счастье и собственную совесть. Хотя, подобно душе, совесть у него также атрофировалась – причем наверняка не в эмбриональном состоянии, а еще в момент зачатия или даже до оно.

– Ну а Электроник как же? – спросила Лариса, беря робота с сиденья. Тимка не расставался с ним даже во сне, брал и в школу, пряча в своем вместительном ранце.

– Не хочу, – буркнул сын, и у Ларисы от удивления челюсть отвисла. Что значит – *не хочу*? Или Тимка вдруг понял, что это подарок отца, предавшего их ради другой женщины с другим ребенком, и решил отказаться от эксклюзивной игрушки?

– Почему? – спросила она, а мальчик произнес:

– Он все время меняется. Прямо как папа...

Значит, дело *именно в этом*. Нет, сын не такой идиот, каким его считает Антон, он все понял, может, и с опозданием, но осознал, что родной папаша пытался замолить свои грехи этим дорогушим роботом...

Лариса взглянула на часы – *пять минут пятого!* Занятие в музыкалке уже началось, а они все еще на улице. Она заметила знакомую полную фигуру в красном пальто и черной шляпе, мать одной из учениц, а рядом и саму опрятную девочку в больших очках и беретке.

– Ах, вы тоже опаздываете! – с облегчением воскликнула Лариса, а маман в красном пальто и черной шляпе возразила:

– Вы думаете, она будет там? Я имею в виду нашу золотую преподавательницу! Она ведь вечно приходит на десять, а то и на все пятнадцать минут позже. Так ведь, деточка?

Дочка кивнула, а Лариса заметила, что Тимка при появлении девочки в очках и беретке встрепенулся и принял вид скучающего франта. Надо же, а ведь ребенок в самом деле растет! Только что он нашел в этой неприметной, даже уродливой девочке? Лариса подумала, что ее красавцу Тимычу нужна другая партия – и пусть даже в качестве первой подружки из музыкальной школы!

– Поэтому мы намеренно сегодня пришли позднее, чтобы вывести эту особу на чистую воду! – продолжала маман в красном пальто. – Потому что я этого так не оставлю! Мы платим такие деньги, а она вечно опаздывает! Нет, я приму меры!

Лариса *тотчас поверила*, что эта мать-тигрица в безразмерном красном пальто и старомодной черной шляпе примет меры. Учительница сольфеджио была молодой, с новаторским подходом, что, кажется, не угодило вкусам консервативных мамаш.

Телефон Ларисы снова ожил, и, бросив взгляд на дисплей, она поняла, что это опять Алла Георгиевна. Быстро поцеловав сына, она сунула ему в руку робота Электоника и сказала: – Я заберу тебя как обычно. Если что, позвоню. Ну, или ты звони, Тимыч!

Телефон продолжал разрываться. Алла Георгиевна была человеком нетерпеливым. А сегодня Лариса уже заставила ее ждать.

– Какой у тебя крутой робот! – воскликнула девочка в очках и беретке, широко улыбнулась, и Лариса увидела, что на кривеньких зубах у нее сидят уродливые брикеты. Но Тимычу, похоже, льстило внимание этой пигалицы. Нет, ведь есть девочки *намного симпатичнее*...

– Его зовут Электоник, он умеет все! – сообщил сын и, похоже, забыв, что только что не желал брать робота в руки, начал что-то увлеченно рассказывать девочке в очках и беретке. – Без «р», потому что, смотри, «р» в надписи у него на груди быстро стерлась...

Телефон все еще звонил. Лариса приняла звонок и, извинившись, попросила Аллу Георгиевну пару секунд подождать. Хотя прекрасно понимала, что такое всегда *чреватое*...

Поцеловав сына, который постарался извернуться, ибо не терпел все эти «телячьи нежности» на людях, Лариса поняла, что времени катастрофически не хватает. Планерка, *а еще это поручение Аллы Георгиевны*...

Мамаша в красном пальто, похоже, поняла, в чем дело, и деловито сказала:

– Мы вашего Тиму отведем, вы не беспокойтесь. Я сама, лично прослежу. Все равно ведь надо эту особу, так называемого педагога, на чистую воду вывести.

Лариса прижала руку к груди – обычно она провожала Тимыча до класса на третьем этаже, но сегодня ей надо было выполнить поручение Аллы Георгиевны...

– Да, Алла Георгиевна, слушаю! Извините, что заставила вас ждать, но я как раз сейчас заехала по вашему поручению на Ленинский проспект... – соврала она. Начальница хмыкнула и соизволила даже заметить, что не ожидала такой прыти, ей, Ларисе, отнюдь не свойственной. Так и сформулировала – однако это был, как знала Лариса, большой комплимент. И тотчас стала сыпать словами, давая новое задание, *ведь раз Лариса уже на Ленинском*...

Лариса проводила взором троицу, которая исчезла за металлической дверью музыкальной школы, – сначала девочку в беретке, держащую в руках робота Электоника, потом ее массивную мамашу в красном пальто и, наконец, Тимку.

Тимка на пороге обернулся и улыбнулся Ларисе, которая замерла около бордюра, внимая распоряжениям Аллы Георгиевны. Мать помахала ему рукой, а сын важно кивнул головой, потом пятерней пригладил торчащие вихры (его фирменный жест) и шагнул в освещенное фойе музыкальной школы.

– А потом вам нужно все это привезти сюда и успеть до шести. Справитесь.

Это был не вопрос, а безапелляционное утверждение. Лариса знала, что *не справится*, потому что времени не хватит, придется тогда и Тимыча забирать позже, но ничего, она ему пришлет СМС, он будет ее ждать в фойе музыкалки, они так уже поступали.

– Конечно, справлюсь, Алла Георгиевна, – сказала Лариса. А потом взглянула на освещенные окна третьего этажа, где находился класс, в котором сейчас был на занятии ее Тимыч.

...Годы спустя Лариса Марыгина часто приезжала к этому зданию (музыкальная школа к тому времени прекратила существование, уступив место сначала туристическому бюро, а потом кабинету дантиста и стоматологической лаборатории), выходила из машины, останавливалась на тротуаре и смотрела, *смотрела*, СМОТРЕЛА на эти три окна, быстро переводя взгляд на дверь (так и оставшуюся железной, правда, поменявшую цвет с темно-зеленого на ярко-оранжевый).

Потому что ей так хотелось, чтобы дверь открылась – и оттуда вышел Тимка, ее Тимыч, Тимофей Антонович Марьгин, семи с половиной лет, *живой и неврелимый*.

Но за все эти девять лет, за которые Лариса Марьгина побывала около этого кирпичного здания не десятки, а многие сотни раз, такого, естественно, не произошло. Да, дверь часто открывали, из здания выходили люди, и каждый раз Лариса ловила себя на том, что все еще надеется: вот-вот появится и ее Тимка со смешными вихрами и большим цветным ранцем.

Надежда умирает последней. Нет, надежда не имела права умереть, потому что это бы означало, что и Тимка, ее Тимыч, Тимофей Антонович Марьгин, тоже...

УМЕР.

Ибо в тот день в середине ноября именно так, входящим в здание музыкальной школы, Лариса видела своего сына *в последний раз*.

Девять лет спустя

Лариса, заслышав мелодичный щелчок, поняла, что получила сообщение по вацапу. Наверняка от одного из подчиненных. Впрочем, может, и от шефа. Однако оно могло подождать. В конце концов, она уже давно вышла из того возраста, когда дрожала перед начальством. Потому что теперь *сама уже являлась начальницей*.

Она стряхнула воспоминания девятилетней давности, хотя это плохо получалось. Такое всегда было в этот день в середине ноября – в день, когда исчез ее сын Тимофей.

Первые три или даже четыре года она либо брала на этот день отпуск или отгул, либо, если не выходило, больничный лист. И приезжала туда, к этому проклятому зданию музыкальной школы, около которого видела Тимку в последний раз.

Куда он вошел и, вне всякого сомнения, вышел. *Только не с ней*.

Лариса плавно припарковала своего «немца» в подземном гараже и взяла в руки изящный, последней модели флагманский смартфон. Так и есть, один из сотрудников боязливо и подобострастно докладывает о выполнении заданий и о возникших трудностях.

Они, сотрудники, как с удивлением узнала Лариса, ее боялись. И это несмотря на то, что она пыталась быть полной противоположностью той начальницы, с которой неразрывно связано исчезновение Тимки.

Лариса никогда не кричала, никого прилюдно не отчитывала, не давила авторитетом. Однако, похоже, подчиненные трепетали перед ней еще больше, чем когда-то она перед той несносной Аллой... как ее там? *Григорьевной? Нет, Георгиевной...*

Интересно, что когда в позапрошлом году она просматривала резюме, то вдруг увидела знакомое лицо. Конечно, постаревшее и несколько расплывшееся, еще бы, Алле Григорьевне... нет, *Георгиевне*, было теперь пятьдесят с большим гаком. *Да ведь ей и самой сейчас почти сорок...*

А Тимке бы исполнилось в конце апреля шестнадцать. Господи, *шестнадцать!*

Но для нее он навсегда остался тем вихрастым мальчишкой с роботом в руках...

Да, тогда она выбрала Аллу из других претендентов и велела пригласить на собеседование. Она помнила изумленные взгляды типа из отдела кадров и юриста. Они бы Аллу *Георгиевну* никогда не пригласили на собеседование – *харизма*, что называется, *не та*.

Вживую Алла *Георгиевна* оказалась еще старше и толще, чем на постановочном и отфотошопленном портрете в резюме. Но все еще оставалась узнаваемой – как призрачно узнаваем обугленный остов, некогда бывший монументальной церковью.

А вот она Ларису не узнала. Ведь и фамилия у нее теперь другая... И, конечно же, Алла *Георгиевна* знала ее как замученную и взмыленную, вечно старавшуюся угодить ассистентку-референтку. А теперь перед ней сидела стильно одетая, моложавая, такая непреступная дама, правая рука шефа, а для многих, шефа в глаза не видевших, этого шефа и заменявшая.

Снежная королева, вот как ее прозвали сотрудники. И пусть. Все лучше, чем «Наша Жаба», как они звали некогда за глаза Аллу *Георгиевну*.

А ведь Лариса ее тогда винила в произошедшем. Не дай ей Алла *Георгиевна* это идиотское задание, не заставь мотаться на другой конец Москвы, а потом возвращаться к ней в офис...

Она бы смогла вовремя оказаться в музыкальной школе и забрать Тимку. *Тимку, который ушел с чужим человеком*.

Она винила во всем Аллу *Георгиевну*, хотя понимала, что виновата сама. Поэтому тогда, через несколько недель после исчезновения сына, и сорвалась, наговорила ей кучу дерзостей и мерзостей, но лучше от этого не стало, даже наоборот.

Стало хуже.

И отнюдь – и не только – в финансовом плане, потому что она была тотчас уволена. А потому что наконец поняла, что незачем винить всех и вся, если виновница случившегося – только она сама.

Да, *она сама*.

И хотя она много раз представляла, как отомстит Алле *Георгиевне* (как будто это вернет Тимку!), в тот раз, увидев ее, в плохо сидящем, подчеркивающим лишний вес деловом костюме, с чересчур напудренным лицом и кровавыми губами, Лариса поняла, что мстить ей не за что.

И все желание, заставившее ее настоять на приглашении этой особы на собеседование с единственной целью – морально раздавить ее, – моментально испарилось. Посему, перепоручив задавать вопросы типу из отдела кадров, Лариса встала и ушла, чем, кажется, ввергла расхваливающую себя Аллу *Георгиевну* в небывалую панику.

Ее, конечно, не взяли – и дело не в возрасте, а в том, что эта особа многое из себя изобразила, но ничем, по сути, не была. Судя по всему, ей предстояла беспокойная старость, раз Алла *Георгиевна* оказалась на шестом десятке в поисках работы без единого шанса ее получить.

Но жаль ее Ларисе не было. *Каждому свое*. Ведь она сама отдала бы все, что имеет, весь свой карьерный успех, все свое социальное положение и деньги, которые у нее теперь водились, за то...

Нет, не за то, чтобы Тимка вернулся. Это по прошествии девяти лет было иллюзорной мечтой, более того, с учетом всех обстоятельств, – бредом сумасшедшего.

А за то, чтобы узнать, где... Где убийца спрятал его тело? Тело своей жертвы – *ее сына Тимофея*...

Лариса отослала сотруднику сухой ответ, вышла из автомобиля и направилась к лифту. В огромном подземном комплексе она была одна – и автомобиль тут был тоже один: ее.

Конечно, ведь здание в Москва-Сити принадлежало разорившемуся кредитному институту находящегося под следствием банкира, некогда вершителя судеб и жонглера миллиардами, а теперь – фигуранта сразу нескольких уголовных дел, грозящих долгим, вернее даже, очень *долгим* пребыванием в местах не столь отдаленных.

Заполучить лакомый кусочек хотели многие, но шеф – не без помощи Ларисы, конечно, – наложил на здание свою лапу. Теперь оно принадлежало их холдингу. И шеф, кажется, на полном серьезе задумался о переезде в Москва-Сити, в это здание, и Лариса должна была провести экспертную оценку и доложить ему, стоит это затевать или нет.

Лариса знала, что шеф без нее как без рук. Ну что ж, спустя годы она достигла того, о чем когда-то мечтала.

Но все бы отдала, чтобы узнать, где убийца спрятал тело Тимки.

Лариса, держа в руках элегантный портфель, направилась к лифту. Она уже достигла смежного коридора, в котором тот располагался, когда услышала шаги. Лариса обернулась – нет, страшно ей не было. Она опасалась, как бы сюда не проникли агенты конкурентов. Или, что еще хуже, журналисты.

Однако никого в пустом бетонном пространстве за ее спиной не оказалось. Нахмурившись, Лариса подошла к лифту и нажала кнопку. Но кнопка так и осталась темной. Не хватало еще, чтобы лифт не работал – придется тогда подниматься пешком...

Лариса подошла к другому лифту, нажала кнопку, и та загорелась. Женщина вздохнула и взглянула на экран смартфона. Так, здесь у нее имеются технические данные...

Снова раздали шаги, причем Лариса была уверена, что кто-то находится у нее прямо за спиной. Она обернулась – но никого не увидела.

Внезапно ей сделалось страшно. И в голову полезли мысли о том, что... О том, что и Тимке тогда тоже было страшно. *Очень страшно*. Но, в отличие от нее, он наверняка не мог оказать сопротивления тому, кто увел его из музыкальной школы...

...Она тогда прислала ему на мобильный СМС, что задержится и пусть он ждет ее в фойе. Музыкалка закрывалась после восьми, когда заканчивались последние уроки, там имелись кожаные кресла и вахтерша, которая поила Тимку, а также прочих ребят, ждавших родителей, чаем.

Ведь если бы это было в первый раз... Но в том-то и дело, что это было *не в первый раз!* Она уже так делала. Вернее, они уже так делали...

И все было совершенно нормально. Причем если она раньше волновалась и переживала, то в этот раз ни о чем таком не думала и ничего не опасалась. Она тогда, после завершения занятий, будучи еще на идиотской планерке у Аллы *Георгиевны*, улучила момент и позвонила Тимычу. Он сказал, что все в порядке, что он будет ее ждать и что ему надо закругляться, поскольку его ждут...

Его ждут... Она подумала, что он имеет в виду ту самую девочку в очках и беретке.

Из-за склонности Аллы *Георгиевны* к пространным монологам Лариса прибыла в музыкальную школу без четверти восемь. Свет еще горел, конечно, ведь занятия еще шли.

В фойе, расположившись в глубоких кожаных креслах и на диване, ждали несколько ребят. Лица были знакомые, но имен Лариса, к стыду своему, не знала или не помнила.

Но Тимки с ними не было.

Впрочем, Лариса не проявила беспокойства – решила, что сын отправился в туалет или на прогулку по зданию музыкальной школы. Она присела на диван, радуясь, что пару минут, до возвращения сына, сможет отдохнуть и перевести дух после сумасшедшего рабочего дня.

Она попыталась найти глазами ранец Тимки и в особенности его робота Электроника, но ничего такого не обнаружила. Так и есть, играет где-то со своим чудищем. А еще сказал, что робот плохой. И вообще, эти слова о *дурном предчувствии*...

Тут один из сидевших в соседнем кресле ребят поднял глаза и произнес:

– А Тиму отец забрал.

Но ведь даже тогда Лариса не испытала беспокойства, а ощутила всего лишь накатившую на нее ярость. Она узнала от ребят, а также от вахтерши, вернувшейся с полным заварки чайником, что Тиму забрал отец сразу после окончания занятий, то есть больше полутора часов назад.

Она попыталась дозвониться Тимычу, но мобильник сына был выключен.

Лариса выскочила на улицу, под начинавшийся дождь, дрожащими (нет, не от страха, а от яростного возбуждения) руками отыскивала в мобильном номере Антона и позвонила. Едва услышав знакомый голос, она отчеканила:

– Учти, Марыгин, тебе это так не пройдет! Я подам на тебя заявление в полицию, потому что ты похитил нашего... моего сына! Ты забрал его, не поставив меня в известность. И не ври, что звонил или присылал СМС, ничего такого не было и в помине!

И вдруг обеспокоенно подумала, что, быть может, и *прислал* – ведь бывали случаи, когда СМС просто не доходили до адресата, она сама с таким сталкивалась!

Но кто ему позволял вообще забирать Тимку? Лариса прекрасно понимала, почему Антон это сделал: еще бы, ведь она намекнула, что он Тимычу никудышный отец. И папаша, чувствуя себя ущемленным в своем мужском достоинстве, тотчас ринулся демонстрировать, что отец он расчудесный – забрал сына из музыкалки, имея отличное представление о том, где его найти вечером во вторник.

Ларису тогда словно прорвало, она наговорила бывшему всяческих гадостей, в том числе припомнив ему все грешки и грехи, переходя не просто на личности, а на вещи сугубо интим-

ного характера, зная, что одно их упоминание ранит бывшего глубоко в сердце – ну или какой-то там другой его орган. И все это под усиливающимся холодным дождем, около двери, через которую то и дело входили и выходили сопровождаемые чадами родители.

Антон пытался что-то возразить, но она не давала ему ни слова вставить. И только когда минут через десять поток обвинений иссяк и Лариса перевела дух, бывший серьезным тоном произнес:

– Лариса, ты что, пьяна? Почему ты решила, что я забрал Тимку? Вы ведь сейчас на музыке, так ведь? В чем, собственно, дело?

– Как, ты разве не забрал Тиму? – пролепетала она, чувствуя, что ноги вдруг делаются ватными. И еще до того, как Антон дал отрицательный ответ (чему она тотчас поверила, несмотря на то что бывший был виртуозным вралем), страх, *жуткий, мгlistый, когтистый страх*, разгрыз ее сердце и навечно в нем поселился.

– Здесь кто-то есть? – спросила Лариса, поразившись тому, насколько *испуганно* звучал ее голос. А ведь она ничего не боялась, и уж точно ни пустых подземных гаражей и непонятных шагов. Ведь после исчезновения сына она побывала и не в таких местах...

Побывала, пытаясь найти его. Живого – *или мертвого*.

...И темноты она не боялась, спокойно спала без зажженного ночника и не опасалась ни монстров, ни сил тьмы – ибо прекрасно знала, что, явись они к ней, это доказало бы существование *того* мира, в котором теперь обитает ее сын. И это стало бы хоть крошечным, но все же *утешением*.

И она бы *непременно* договорилась с теми, кто обитает в *том* мире, чтобы они вернули Тиму – или позволили ей самой присоединиться к нему, чтобы быть с ним *там* вечно. Потребуй повелитель тьмы ночной за это ее душу, Лариса бы, не колеблясь, подписала требуемый договор кровью.

Но к ней никто не приходил. В религии она тоже не находила утешения и перестала туда заглядывать. Поучающие старушки (не такие уж и старушки, но выглядящие – или желающие выглядеть – таковыми), строгие лики святых, золото, золото, золото – и полное отсутствие ответа на вопрос, как ей узнать, что произошло с сыном, – всё это ей не требовалось.

Некоторое время она полагалась на так называемых ясновидящих, но они оказались или шарлатанами, или неумехами. Или, что вероятнее, *шарлатанами-неумехами*. Поддавшись на удивительную историю, выдуманную одной из них, Лариса даже отправилась в лесополосу в Подмосковье, рылась там три дня подряд, но никаких следов Тимы не нашла.

С тех пор она ушла с головой в работу – и достигла больших успехов. Но это было бегство от себя самой и от того факта, что она никогда не узнает, что же стало с сыном.

Хотя она знала: *ее сына убили*.

Ей никто не ответил. Лариса хотела было шагнуть обратно в сторону подземного гаража, но что-то удержало ее от этого. Внезапно осипшим, дрожащим голосом она произнесла:

– Тимыч, это ты?

В этот момент с легким скрежетом распахнулись двери лифта, и Лариса чуть не упала в обморок от страха, вызванного этим звуком. Чувствуя, что сердце готово выскочить из груди, она вошла в ярко освещенную кабину и решительно нажала кнопку одного из верхних этажей.

Двери закрылись, лифт пришел в движение. Лариса приказала себе успокоиться. Да, девятая годовщина, в следующем ноябре будет десятая. Десятая годовщина исчезновения Тимы – и его смерти.

Точнее, его убийства.

...Тогда она бросилась к автомобилю и поехала к Антону. Хотя и поверила, что Тиму он не забирал, Лариса решила, что сын все равно прячется в его квартире. Поэтому ворвалась туда, жутко напугав новую пассию бывшего, которую до этого никогда не видела, а также посмотрев на годовалую дочку, до смешного похожую на Антона, что только усилило ее гнев.

Но Тимки там не было. И Антон клялся и божился, что после работы поехал домой (да, домой – и он имел в виду отнюдь не то, что *раньше* подразумевал под этим словом) и провел все время со своей новой и дочуркой. Новая была готова это подтвердить, как и ее маманя, очень кстати оказавшаяся в квартире, которую Антон снимал для своей нынешней семьи.

Странно, ее родителей он терпеть не мог и не желал видеть у них в квартире, а мамашу своей новой пассии нежно называл «мамулечка», правда, на «вы», эта мелочь окончательно вывела Ларису из себя, и она разрыдалась.

Кажется, ее положили на диван. Кажется, ей дали успокоительного. Кажется, вызвали «Скорую». А потом и полицию. Благо что Антон, несмотря на свою мерзкую натуру, умел действовать четко и целенаправленно, недаром он был менеджером среднего звена в крупной продуктовой компании...

Двери лифта открылись, и Лариса шагнула в пустынный коридор. Из него она нырнула в один из офисов – там, в углу, возвышалось несколько столов, а около большого панорамного окна – мониторы.

В этот момент в офис заглянули два типа в синих комбинезонах. Увидев элегантно одетую и неприступную даму, они, кажется, смутились и даже оробели. Поздоровавшись, один из них доложил, что они занимаются вывозом мебели и оборудования, оставшегося от прежних хозяев.

– Это вы сейчас были в подземном гараже? – спросила Лариса, поддавшись внезапному импульсу.

Типы в комбинезонах переглянулись, пожали плечами и стали уверять, что нет, не они. Тут появился третий субъект, которому Лариса адресовала тот же вопрос, и он подтвердил – да, он был внизу, потому что старая мебель при помощи второго лифта свозится вниз, где стоит грузовик. Правда, лифт сейчас застрял и не работает, что задачу серьезно усложняет.

Лариса едва сдержалась, чтобы шумно не вздохнуть. Ну что ж, все, даже самые странные явления имеют вполне обыденное объяснение. Она слышала шаги одного из рабочих, а приняла их...

Появился молодой верткий тип в деловом костюме, сопровождаемый дамой средних лет. Они тотчас стали приносить извинения, что опоздали. Лариса промолчала, хотя терпеть не могла опозданий.

Ведь если бы она не опоздала в тот раз в музыкальную школу, чтобы забрать сына...

Это были представители архитектурного бюро, с которыми Ларисе требовалось обсудить кое-какие важные моменты. Ведь если шеф хочет, то головной офис их холдинга переедет в это здание, только, судя по всему, понадобятся многочисленные переделки и часть помещений подвергнется перепланировке.

Они углубились в разговор, передвигаясь по пустым или полупустым помещениям, а Лариса, несмотря на то что принимала активное участие в обсуждении и отметала одну за другой нелепые и чересчур дорогостоящие идеи архитекторов, думала о том, что произошло девять лет назад.

...Ведь если Тимка ушел с человеком, которого все считали его отцом, то этим человеком *мог быть только Антон*. Однако у него было неопровержимое алиби, да и Лариса верила своему бывшему – нет, он явно не ломал комедию, похитив сына и пытаясь убедить ее и полицию в своей к этому непричастности.

Но если не Антон, то кто?

Та ноябрьская ночь казалась ей бесконечной – и, похоже, *была* бесконечной на самом деле. Лариса находилась в забытьи в квартире Антона и его новой пассии. Ее оставили лежать на диване, укрытой пледом. Она то и дело просыпалась, каждый раз считая, что находится у себя дома. И абсолютно уверенная, что Тимыч в соседней комнате.

Но это было не так.

Какая-то странная слабость, видимо, вызванная большой дозой успокоительного, охватила ее тело, она не могла подняться с дивана, хотя видела горевший в коридоре свет и слышала доносившиеся откуда-то громкие мужские голоса.

Отчего-то она пыталась убедить себя, что все это дурной сон. И стоит настать утру, стоит ей открыть глаза, как весь этот ужас закончится и Тимыч, *ее* Тимыч, разбудит ее, прыгнув со всего размаху к ней на диван и прижавшись к ней.

Но ужас только начинался.

Это она поняла внезапно, когда в очередной раз открыла глаза и четко осознала, что находится не у себя дома. И вспомнила, что произошло всего несколько часов назад. На этот раз у нее нашлись силы, чтобы подняться на ноги. Наверное, действие успокоительного приотпустило. Завернувшись в плед, Лариса вышла в коридор и услышала чей-то гудящий бас. А потом дрожащий голос ее бывшего, задавший вопрос:

– И вы думаете, что шансов найти его живым нет?

Она ворвалась тогда на кухню, где сидел Антон вместе с каким-то толстым молодым мужчиной в форме. Лариса потребовала, чтобы они рассказали ей все, что известно. Кажется, даже кричала и не желала успокоиться, несмотря на то что Антон пытался ее увещевать, твердя, что его новая пассия с малюткой-дочкой спят.

– Марыгин, твой сын пропал, похищен, а ты ведешь речь о своей любовнице и ее дочурке! – выпалила Лариса. – Какое же ты бесчувственное бревно!

Это замечание, сделанное к тому же в присутствии чужого человека, явно задело бывшего, его узкое бледное лицо покрылось пурпурными пятнами. Заслышав пронзительный плач дочки, он вышел с кухни, так ничего и не сказав.

А толстяк в форме крикнул, выпил залпом что-то из стоявшей перед ним чашки, схватил с тарелочки сразу два овсяных печенья, засунул их в рот и, жуя, произнес:

– Зря вы с ним так. Антон Викторович переживает не меньше вашего.

Лариса открыла рот, чтобы поставить толстяка на место, и вдруг поняла, что он, по сути, *прав*. Да, ее неверный бывший переживает – *только по-своему*. Но ведь пока она валялась в беспамятстве на диване, он действовал!

Запихнув в рот еще одно овсяное печенье, тип в форме налил себе чая. А Лариса повторила вопрос, который адресовал ему Антон:

– Вы думаете, что шансов найти Тиму живым нет?

Тип в форме ничего ответить не успел, потому что запищала прикрепленная к его поясу рация...

– ...Что, конечно же, потребует значительных переделок, – подытожил молодой верткий мужчина, замерев посреди огромного, абсолютно пустого помещения. Причем весь его вид говорил, что переделки будут явно не самыми дешевыми.

Эстафету приняла его спутница, протянувшая Ларисе тяжеленную папку с первыми наработками. Лариса отмахнулась от нее, потому что важнее всего были не наработки архитектурного бюро, а то впечатление, которое производили эти пустые офисы. Именно за этим шеф прислал ее сюда.

Она подошла к огромному окну, посмотрела вниз, на людей, спящих по асфальту. Мельком взглянув на панораму Москвы, она поняла, что чутье шефа не подвело. Впрочем, *оно* его мало когда подводило.

Он был прав: переезд был важным этапом в новом позиционировании их холдинга в столичных бизнес-структурах. И только началом большой кампании, которую, как ей было известно, задумал шеф.

...Тип в форме, жевавший одно за другим овсяные печенья, ответа так и не дал. Что, вероятно, было еще хуже, чем если бы они услышали его мнение, пусть даже неофициальное. После получения задания по рации ему пришлось в спешном порядке покинуть квартиру Антона.

Лариса отправилась на поиски бывшего. Она замерла около полуоткрытой двери спальни, увидев, с какой нежностью он утешает плачущую дочурку. Лариса тогда подумала, что, когда родился Тимка, Антон долгое время даже не брал его на руки. Объяснял это тем, что боится уронить младенца или причинить ему какой-то вред, но она-то знала: ему было противно держать его на руках.

А теперь Антон *разительно* переменялся. Причем явно в лучшую сторону. Только она сама вместе с Тимкой осталась на другой, *худшей*, стороне.

Вместе с Тимкой... Это напомнило ей о том, что, пока бывший милуется со своей дочуркой, начинавшей наконец успокаиваться, полиция ведет поиски их сына. Она тихо позвала Антона, но он сделал вид, что не слышит ее, и, укачивая на руках дочку, повернулся к Ларисе спиной.

Вместо бывшего к ней вышла новая подруга Антона. Лариса попыталась вспомнить, как ее зовут. Ах, ну да, забавно, *тоже Лариса*. Антон, что ли, намеренно выбирал женщин с таким именем?

Новая Лариса прикрыла дверь в спальню, где Антон разыгрывал из себя любящего отца, запахнула цветастый халат и прошептала:

– Пройдемте на кухню!

Причем это была не просьба, а приказание. Лариса последовала за ней. Когда эта особа закрыла и вторую дверь, она громко произнесла:

– Знаете, я не хотела, чтобы вы у нас оставались. И мамочка тоже не хотела! Но мне пришлось смириться!

Ах, ну да, имелась ведь еще и *мамочка!* Интересно, она дрыхла в одной из многочисленных комнат этой далеко не самой маленькой квартиры – или отправилась восвояси?

– А я не хотела, чтобы Антон уходил к вам, но мне тоже пришлось смириться! – парировала Лариса.

Ее тезка, нервно теребя ворот халата, присела на табуретку и произнесла:

– Давайте без скандалов. Потому что Ларисочка и так очень нежный ребенок, а вы своими криками ее разбудили...

Ларисочка... Надо же, Антону не хватило того, чтобы завести любовницу с тем же именем, как у жены, он еще точно так же назвал незаконнорожденную дочурку! Ту самую, о существовании которой ни она сама, ни Тимыч ничего не подозревали!

Тимыч... Странно, но, узнав, что у него имеется сестра, пусть и сводная, он счел это «крутой новостью» и хотел во что бы то ни стало посмотреть на малютку.

– Возможно, вам надо ее чаще кормить, тогда Ларисочка не будет надрываться, – заметила Лариса с издевкой. Отчего-то ей доставляло удовольствие шпынять эту особу, которая, возможно, была в общем и целом неплохой женщиной.

Женщиной, ставшей новой подругой ее собственного мужа.

Другая Лариса вздохнула и сказала:

– Думаете, мне не тяжело? Я ведь не хотела, чтобы так вышло. Я все понимаю, но ведь Антоша вас не любит. И никогда не любил. А меня он любит...

Лариса не желала слушать подобные исповеди, поэтому отчеканила:

– Признательна, что приютили меня. Кстати, разрешите вопрос: вашу матушку тоже зовут Лариса?

Другая Лариса, непонимающе взглянув на нее, удивленно ответила:

– Да, а что? Лариса Ивановна...

Отчего-то этот факт ужасно рассмешил Ларису. Она принялась хохотать и никак не могла остановиться, и скоро из глаз у нее потекли слезы и смех перешел в рыдания.

Другая Лариса не знала, что и делать. Кажется, даже хотела обнять ее, но Лариса не позволила. Наконец на кухне появился Антон, который, прикрыв дверь, сообщил:

– Ларисочка спит!

Это вызвало у Ларисы новый приступ хохота, и она выдавила из себя:

– Ларису... Ларису Ивановну хочу! Господи, Марыгин, у вас, как у Бурбонов с Габсбургамы, теперь тоже фамильное имя появилось!

Антон подошел к ней и дал ей звонкую оплеуху. Это подействовало, и Лариса, икнув, разом прекратила смеяться, но слезы из глаз все еще текли ручьем.

Другая Лариса тактично удалилась с кухни, а бывший, сунув Ларисе в руки стакан воды, произнес:

– Ситуация следующая. Нашего сына похитили. Причем если бы это было обычное, так сказать, похищение, связанное с выплатой выкупа, я бы, конечно, вас не бросил. Но к бизнесу это отношение не имеет. Да и не того полета я птица, чтобы похищать моего сына, никаких миллионов долларов я выплатить не могу, ты это знаешь...

С хлюпаньем втянув в себя воду, Лариса услышала, как ее собственные зубы стучат о край стакана. *Ее собственные зубы.*

– Но кто тогда? – произнесла он подавленно.

Антон подошел к окну, за которым клубился поздний ноябрьский рассвет, скрестил руки на груди и сообщил:

– Мне удалось кое-что выяснить. У меня ведь бывший однокурсник теперь в полиции на ответственном посту работает. Какое-то время, уже достаточно давно, в Москве действует...

Он запнулся, отвернулся и, уставившись в окно, выдавил из себя:

– ...Действует маньяк. Он специализируется на... на мальчиках. Примерно такого возраста, как Тимофей. Исчезло уже четыре или даже пять ребят, они сами толком не знают. Точнее, знают, но пока что общественности не сообщили, потому что боятся вакханалии в газетах и на телевидении.

Маньяк... Какое мерзкое и жуткое слово. Однако столь далекое – *до прошлого вечера.* Маньяки водились в глупых романах, в фильмах, наподобие того, который они вместе с Тимычем смотрели вечером в воскресенье. Или где-то там, в других городах, на юге или севере, или были давно мертвы и стали притчей во языцех и персонажами городских страшилок наподобие Чикатило или дяди Крюка.

Но какое отношение *маньяк* имеет к их Тимычу, их вихрастому, боевому, хитрющему Тимычу? Как оказалось, *самое непосредственное...*

– Маньяк? – повторила тогда Лариса дрогнувшим голосом. – Но ведь о нем бы тогда было известно...

Антон повернулся к ней, и Лариса заметила, что в глазах бывшего застыли слезы. Надо же, у него тоже имелись чувства! *Кто бы мог подумать...*

– Лариса, ты слушаешь, что я тебе говорю, или нет? Информацию о маньяке пока что от СМИ скрывают. Потому что наши доблестные органы не хотят паники и не уверены, что исчезнувшие дети – жертвы серийного убийцы. Точнее, не до конца...

– Он их убивает? Скажи мне, Марыгин! Он их убивает?! – крикнула Лариса. – Сразу? Или... Или *не сразу*... Что он делает с ними, с мальчиками, этот зверь? Марыгин, *что* он с ними делает?!!

Антон снова отвернулся к окну, предпочтя не отвечать на ее вопрос. А Лариса снова заплакала...

– С учетом известных обстоятельств это более чем выгодная сделка, – пропела дама из архитектурного бюро, желая угодить Ларисе, которая к подобным примитивным комплимен-там была абсолютно равнодушна. И к более изощренным, которыми сыпал верткий молодой человек, коллега дамы, тоже.

Под «известными обстоятельствами» они подразумевали тот факт, что бывший владе-лец этого здания находился под следствием. Некогда король жизни, мнивший себя едва ли не императором всей Галактики, а может, и Вселенной, теперь потерял все свои активы и милли-арды, готовясь получить весомый срок и отправиться шить рукавицы в государственное испра-вительное учреждение. Ларисе не было жалко этого типа, которого она толком и не знала. В отличие от ее шефа, этот, находящийся теперь под следствием, любил бахвалиться, выставя-ть свое богатство (часто преувеличенное) напоказ и вошел в анналы истории своим высказы-ванием, что тот, у кого меньше миллиарда баксов, является «использованным презервативом судьбы».

Пикантно было то, что теперь он обладал гораздо меньшим состоянием, то есть, следуя его собственной логике, имел честь быть причисленным к вышеупомянутой категории граж-дан. Впрочем, Лариса подозревала, что и на пике своего могущества этот тип миллиардером не был, хотя и страстно желал, то есть *уже тогда* входил в эту, столь занимавшую его нелице-приятную категорию.

Представители архитектурного бюро продолжали сыпать комплиментами в адрес Ларисы и ее шефа, однако она не слушала их, а переходила из офиса в офис, пока наконец не остано-вилась в угловом, далеко не самом большом, но с волшебным видом на столицу.

Это будет ее офис. Она приняла решение и стала прокручивать в голове планы переезда их холдинга в новое здание. Как правая рука шефа, она должна находиться в непосредственной от него близости, а шеф наверняка пожелает занять тот огромный офис на другой стороне.

Но это будет значить, что не сидеть ей здесь. Следовательно, требовалось переубедить шефа и сделать так, чтобы он сделал выбор в пользу другого просторного кабинета, непосред-ственно примыкающего к этому, угловому, так ей понравившемуся.

Ничего, она *справится*.

Лариса повернулась к верткому типу, который продолжал превозносить деловые качества их собственного архитектурного бюро, и, прервав его на полуслове, сказала:

– Досье!

Его коллега быстро передала ей увесистую папку. Лариса пролистала ее и положила в портфель. Что ж, кажется, она убедилась в том, что переезд их холдингу пойдет на пользу. Значит, можно возвращаться в свой офис и доложить об этом шефу.

– Я с вами свяжусь, – сказала она, подходя к панорамному окну. – А теперь мне хотелось бы остаться здесь одной. Желаю вам хорошего дня!

Дама и верткий тип испарились, а Лариса, замерев возле окна, вспомнила, что тогда, девять лет назад, Антон, стоя у *другого* окна, изложил ей все, что ему было известно о деяниях маньяка, специализировавшегося на похищениях мальчиков.

... Она отчетливо помнила, какой ужас вызвала у нее эта информация. Ведь если бы при-шлось смириться с тем, что Тимыч умер (хотя она не желала смириться, она *не хотела и думать об этом*), то смерть должна была быть мгновенной и легкой.

Антон же рассеял ее заблуждения. Монстр, похищавший мальчиков, долго истязал их, прежде чем лишить жизни. Услышав описания его деяний, Лариса зажала уши руками и закри-чала, что *ничего не желает об этом знать*.

Пусть ее сына похитили, пусть за него потребуют выкуп. Но он вернется, обязательно вернется. Живым и невредимым. *Как же иначе...*

Дети, похищенные этим нелюдем, возвращались – точнее, были в итоге *найденны*. Но отнюдь не невредимыми. И далеко не *живыми*.

Кажется, у нее тогда снова случилась истерика, но уже в легкой форме. Поняв, что детали, причем столь шокирующие, ей знать не хочется, Антон сказал:

– Понимаешь, в этот раз все иначе! Потому что этот тип не такой уж умный. Он заявился в музыкальную школу, представился твоим, Лариса, сослуживцем, сказал, что ты попала в больницу и что ему велено забрать Тимыча. Этого субъекта запомнили кое-кто из ребят и вахтерша...

– Но почему Тимка пошел с ним? – вскричала Лариса. – *Почему?*

Ведь она постоянно твердила сыну, чтобы он держался подальше от незнакомых людей, в особенности мужчин, чтобы был бдительным, чтобы бежал прочь, если кто-то предложит его подвезти или показать щенков...

– Повторяю, наш сын думал, что ты в больнице. Ему все же всего семь лет. Этот мерзавец весьма изобретателен и держится с апломбом. Кажется, он тщательно выбирает свои жертвы, некоторое время следит за ними...

Он следил за ними? А она, дура, не заметила этого...

– В одном случае он представился в кружке дальним родственником, и мальчик сам пошел с ним. Как потом выяснилось, этого родственника он лично не знал, однако имя ему было известно. В другом случае он заявил, что работает на фирме отца, и назвал имя и отчество реального сослуживца, которое тоже было знакомо жертве. Наверняка и к Тимофею он применил нечто подобное...

О, если бы она прибыла вовремя!.. Лариса вдруг подумала, что маньяк тогда бы не отступился, просто стал бы выжидать удобного случая. Но ведь тогда Тимка был бы еще с ней – в полном здравии!

А теперь он похищен...

– Но они его ищут, Лариса, они его ищут! Потому что этот тип совершил уж слишком много ошибок. Да и внешность его, хотя он и обмотал лицо шарфом, удалось по показаниям свидетелей реконструировать. Так что его ищут...

– Они должны найти Тимку, слышишь, должны найти! – крикнула Лариса.

И подумала, что других ведь *тоже нашли*. Но Тимка должен быть живым! Конечно, живым!

Антон подошел к ней, даже обнял за плечи (чего давненько не делал) и прошептал:

– Они найдут. И шансы хорошие, что все обойдется. Потому что экспертиза останков предыдущих жертв...

Он запнулся, потому что звучало ужасно – для них, как и для правоохранительных органов, это были всего лишь «останки предыдущих жертв», а для родных и близких – их любимые дети, их Тимки, Сашки, Максимки... Вихрастые или, наоборот, коротко стриженные, серьезные и смешливые, отличники и шалуны, книгочеи и любители компьютерных игр...

Все это были чьи-то дети. Так же как Тимка был *ее сыном*...

– Потому что экспертиза установила, что они достаточно долго жили в... неволе. Он убивает их далеко не сразу... И между похищениями обычно проходит по пять-шесть месяцев, а в одном случае почти год. Это и затруднило работу полиции, потому что каждый раз исходили из того, что это трагический одиночный случай, а не элемент серийного преступления...

Он убивает их далеко не сразу... Лариса гнала от себя эту мысль. Потому что не хотела и думать о том, что этот зверь делает с жертвами *до того*, как лишит жизни, все эти долгие дни, недели, а то и месяцы, пока они находятся в его полной власти...

Но Антон был прав – привычки маньяка, которого теперь усиленно искали, давали им повод для надежды.

Надежды увидеть Тимку – все еще живым, но, вероятно, *уже не невредимым...*

Лариса еще раз, теперь уже в одиночестве, прошлась по пустым помещениям, убеждаясь, что решение о покупке здания и переезде их холдинга было правильным. В одном из помещений она наткнулась на рабочих, которые выносили старую мебель.

Делать здесь было больше нечего. Лариса взглянула на дисплей смартфона. И так, она сумеет вернуться в офис, доложить шефу о результатах, а потом эта нудная телеконференция с Читой, а потом с Питером...

Она вышла в коридор, направилась к лифту – и вдруг поняла, что движется не в том направлении. Странно, она же была уверена, что все так просто, а оказалось, что здесь можно и заблудиться...

Лариса слышала голоса рабочих, орудующих в одном из помещений. Наверняка они потом будут потешаться над элегантной дамочкой, которая просит их указать, как пройти к лифту.

Она зашла в помещение и увидела нескольких мужчин, столпившихся около массивного полированного стола, за которым на стене висел огромный парадный портрет длинноволосого человека в гавайской рубашке и шортах.

Так и есть, это был кабинет бывшего владельца здания, бывшего банкира и бывшего миллиардера, перешедшего, согласно собственному определению, в разряд «отбросов жизни». Типом он был неумным, любящим ломать стереотипы, со вкусом нувориша, хотя и не без претензии на эксцентричность. Поэтому и повесил себе в кабинет парадный портрет – куда же без него! Только, в отличие от многих, не в шикарном костюме от лондонского портного или, что гораздо хуже, в золоченом царском вицмундире, а в пестрой рубашке навывпуск, ядовито-желтых шортах, с кривоватыми волосатыми ногами и увенчанным бумажным зонтиком коктейлем в руках. Что называется, *знай наших!*

Хотя таких «наших» Лариса предпочитала *не знать*.

Завидев Ларису, один из рабочих сказал:

– Вы же новая владелица? Вот, посмотрите...

Он указал на портрет опального банкира, а Лариса, сухо усмехнувшись, заметила:

– Делайте с ним, что пожелаете. Кажется, узнаю руку модного столичного художника.

Бывший владелец этого здания заплатил ему не меньше ста тысяч долларов за эту мазню...

Рабочие переглянулись, а Лариса продолжила:

– Проблема только в том, что заплатить-то он заплатил, но никто другой не купит эту мазню и за сто долларов. Хотя за сто, быть может, и купит. Ибо подобные «шедевры» никому, кроме самих на них изображенных, не нужны. Так что можете попытаться предложить на аукционе, но вряд ли это вызовет ажиотаж.

Другой рабочий, засунув за золоченую, в стиле барокко, раму палец, произнес:

– Да нет, вы на это посмотрите! Здесь же за портретом сейф! Точнее, даже не сейф, а настоящая стальная дверь, ведущая в тайную комнату!

Заинтригованная его словами, Лариса подошла и присмотрелась – в самом деле, рабочий был прав. Тут его коллега что-то нажал, и парадный портрет с тихим шелестом отъехал в сторону, обнажая массивную стальную дверь с цифровым замком.

– Он что там, свои капиталы хранит? – произнес третий рабочий, присвистнув.

Вопрос был закономерный, но Лариса была уверена, что может дать ответ. *Нет, не хранил*. У банкира вообще не было никаких ликвидных капиталов, разве что на тайных зарубежных счетах, а так – исключительно огромные долги, которые и привели к краху его так называемой империи.

Он ведь бежал на теплые моря, но там его поймали, арестовали, велели паспорт показать. И в итоге экстрадировали в Москву, где он и находится сейчас под следствием. Из России банкир тогда удрал на частном самолете и наверняка прихватил с собой остатки капиталов и произведения искусства, которые в былые времена любил коллекционировать – *и еще больше любил давать об этом интервью желтой прессе.*

Свой парадный портрет, действительно влетевший ему в копеечку, он отчего-то к произведениям искусства не причислял и взять с собой отказался. Лариса была уверена: если раньше в комнате-сейфе и лежало нечто ценное, то банкир это давно оттуда изъял. Но даже если они найдут груды наличности и парочку картин Пикассо, то все равно придется отдать все это временному управляющему обанкротившейся финансовой империи, который занят тем, что пытается наскрести по сусекам денег, дабы расплатиться хотя бы с частью нетерпеливых заимодавцев.

Но Лариса не сомневалась, что ни наличности, ни шедевров кубизма, ни ящичков с алмазами или сапфирами в тайной комнате нет. *Иначе бы их уже давно изъяли серьезные люди, которые теперь мурьжат бывшего банкира.*

Однако отчего дверь закрыта? Ответ был очевиден – потому что тот, кто последним побывал в этом помещении, *закрыл ее.* Комната наверняка пуста – или, в лучшем случае, забита компрометирующими финансовыми документами. Но сокровищ опального банкира там нет и в помине.

Или все же...

– Вы сможете вскрыть это? – спросила Лариса и взглянула на часы. Предоставить отчет шефу она могла и позже, а телеконференции пусть проведут другие.

Здание пока не принадлежит их холдингу, однако она не сомневалась, что будет принадлежать. И она, на правах официального представителя будущего владельца, имеет право знать, что находится в секретной комнате – *не покупать же коту в мешке.*

Рабочие снова переглянулись, почесали в затылке.

– Сюда бы Данилыча надо, он по таким хитроумным штучкам спец... Но ведь он уже на пенсии... – заметил кто-то.

– Но он ведь не откажется против подработки в свободное время? – спросила Лариса. – Звоните ему. Каждый из вас получит особую премию, если вы в течение двух часов вскрыете эту консервную банку. Сейчас я уйду пить кофе и работать с важными документами, вернусь через сто двадцать минут. Уже через сто девятнадцать. Но, ребята, предупреждаю вас, без меня туда не входить. Мы ведь поняли друг друга?

Судя по энергичным кивкам, *поняли.*

Ларису почтительно эскортировали к лифтам, и она покинула здание, направившись в расположенный неподалеку ресторан. Заказав черный кофе, она сделала несколько звонков и стала просматривать документы, которые ей всучили представители архитектурного бюро.

Однако ее мысли были далеко. Да, тогда, *девять лет назад*, они все еще надеялись, что полиция схватит маньяка и спасет Тимку.

... Самым удивительным было то, что этого монстра на самом деле поймали. Фоторобот, составленный по показаниям свидетелей, возымел свое действие: шила в мешке было уже не утаить, и бульварная пресса всю трубила о том, что в столице завелся серийный убийца, похищающий и жестоко убивающий детей.

Фото было опубликовано на первой полосе, и не прошло и двадцати четырех часов, как объявилась встревоженная москвичка, уверенная, что фоторобот очень похож на человека, которому она сдала квартиру неподалеку от Савеловского вокзала.

Подобных звонков была масса, и все вели в никуда. И, более того, требовалось время, чтобы проверить все эти факты. Но в итоге полиция нагрязнула и к этому субъекту, некоему

Геннадию Алексеевичу Диксону, преподавателю одного из технических вузов, как раз работавшему над своей докторской диссертацией.

И надо же, в отличие от всех остальных наводок, эта привела к преступнику. Впрочем, докторант Диксон, обеспокоенный появлением своей физиономии в прессе, решил сматывать удочки и спешно избавлялся от улики.

От вещей похищенных мальчиков, которыми была забита небольшая двухкомнатная квартирка.

Он, заметив из окна квартиры подкатывавшие полицейские автомобили, попытался скрыться и забрался на крышу. Человеком он был тренированным, байдарочником-любителем, ловким, посещавшим спортивную секцию. Посему полицейским пришлось попотеть, пытаясь задержать его.

И Диксон почти что ушел, подобно «человеку-пауку» перепрыгнув с крыши своего дома на крышу соседнего, а потом и на крышу третьего, откуда он по пожарной лестнице намеревался спуститься в небольшой сквер и дать деру.

Его подвело аварийное состояние пожарной лестницы, которая под тяжестью тела докторанта вышла из распатанных пазов и вместе с ним грохнулась на асфальт – с высоты седьмого этажа.

Удивительно, но Диксон не умер на месте, оказавшись на редкость живучим. Однако заработал массу опасных для жизни травм и впал в кому. Его доставили в НИИ скорой помощи имени Склифосовского, в отдельную охраняемую палату, и врачи прилагали колоссальные усилия, чтобы спасти его никчемную жизнь.

И не только потому, что когда-то дали клятву Гиппократу. А и по той простой причине, что в квартире Диксона обнаружили, помимо всего прочего, вещи Тимофея Марыгина, семи лет, в частности, его рюкзак со школьными принадлежностями, его курточку и даже его майку.

Но самого Тимыча в квартире не было.

И сказать, где же он спрятал мальчика, который, по единодушному мнению экспертов, был наверняка еще жив и, вероятно даже, невредим, мог только тот человек, который его похитил, то есть сам докторант Геннадий Алексеевич Диксон.

Однако он, по причине множественных травм внутренних органов, а также перелома позвоночника и повреждения черепа, пребывал в коме и дать какие-либо показания был решительно не в состоянии.

Лариса тогда отправилась в крошечную церквушку и на коленях молилась, желая одного: чтобы этот изверг пришел в себя и ответил наконец на вопрос, где он спрятал Тимку.

Обыск у престарелой матери Диксона, которая отказывалась верить в то, что ее умничка Гена – педофил, серийный убийца и моральный монстр, ничего не дал. Кое-кто был уверен, что мать Диксона, бывшая учительница химии и некогда директор школы, была прекрасно осведомлена если не о кровавых деяниях сыночка, то, по крайней мере, о его ненормальной тяге к мальчикам. И, не исключено, мамаша могла дать ценную информацию относительно того, где ее сынок удерживал новую жертву, Тимофея Марыгина.

Но мать оказалась крепким орешком, на допросах держалась боевито и даже нагло и не только полностью отрицала тот факт, что располагает какими бы то ни было сведениями о местонахождении похищенного мальчика, но и твердила, что ее любимого, гениального, но столь не приспособленного к жизни сыночка подставили, и улики ему подложили, и он ни в чем не виноват.

Между тем никаких сомнений, что докторант Геннадий Диксон был похитителем Тимки и убийцей других ребят, не было. Однако не исключалось, что действовал он не один, а, возможно, *на пару с кем-то*, таким же извращенным и сумасшедшим. И что именно этот напарник и удерживал у себя Тимофея – в погребке на дачном участке, на чердаке или в яме в лесу.

Конкретных улик, которые бы указывали на наличие напарника, не было. Однако многое не сходило. Например, тот факт, что у Диксона не было водительских прав. А свидетели утверждали, что тот, кто похищал ребят, сажал их в темный неприметный автомобиль и увозил.

Это могло означать, что Диксон не имел водительских прав, но тем не менее был в состоянии водить автомобиль. *Или что у него в самом деле имелся напарник, который и находился за рулем этого автомобиля...*

Дачу матери Диксона в Подмосковье прошерстили, но ничего не нашли. Как не нашли и во всем садоводческом товариществе, членом которого бывшая директриса являлась уже четвертый десяток лет.

В съемной квартире докторанта обнаружили ноутбук с кошмарными фотографиями мертвых детей, из анализа которых можно было сделать вывод, что их содержали в каком-то темном помещении с бетонным полом.

Фотография Тимофея отсутствовала.

Лариса страстно желала, чтобы маньяк пришел в себя, чтобы чудесная сила заставила его заговорить и вернула ей сына.

На пятый день нахождения в коме действительно наступило улучшение, врачи делали осторожно-оптимистические прогнозы, а на седьмой день Геннадий Диксон скончался, так и не выйдя из комы.

С тех пор Лариса больше не посещала церковь.

Она все надеялась, что следствие вот-вот выйдет на след, что они найдут то укромное место, в котором маньяк спрятал ее сына. Ведь она чувствовала, что он жив! Она знала, что еще не поздно, что можно спасти его, что он где-то рядом – в Москве или Подмосковье, на расстоянии считанных километров от нее.

Но она ничего не могла поделать. И это было ужаснее всего.

Тимка являлся к ней в снах – худой, измазанный землей, с заплаканным лицом. Она тянула к нему руки, хотела прижать к себе, но он исчезал...

А она просыпалась в холодном поту, боясь одного: снова заснуть и увидеть его таким.

Это потом и привело к тому, что ей стало все труднее засыпать. Когда-то сны перестали преследовать ее, но это было намного позже.

Намного позже.

Ведь в те дни она надеялась. Но они проходили, а Тимку найти так и не могли. *Ни живым, ни мертвым.*

Она устроила в кабинете начальника ГУВД столицы небывалый скандал, а он терпеливо внимал ей, обещал, клялся, увещевал.

Но в итоге все так и закончилось со смертью Геннадия Диксона. Дети больше не исчезали, убийца был найден. Не была найдена последняя жертва, *но что поделать...* Никто не сомневался в том, что Тимофей Марыгин мертв. И даже если он не был мертв в момент попытки ареста, а затем и смерти Диксона, то умер позднее. Ведь мальчик наверняка находился в каком-то тайном месте, откуда не мог выбраться, и элементарно скончался от жажды, голода или еще намного раньше от нехватки воздуха.

Все эти жуткие подробности мусолились в «Народном ток-шоу», куда приглашали и Ларису. Антон пошел, заявив, что это огромный шанс. И обратился на всю страну к людям, которые, быть может, знают, где находится Тима. И слезно молил их отпустить мальчика.

Рейтинг у ток-шоу, и без того крайне популярного, в этот раз был поднебесный, едва ли не лучший за всю его многолетнюю историю. Поступила масса наводок и сигналов с мест, даже откуда-то из Владивостока и Чечни.

Но Тимку так и не нашли.

Не нашли ни в тот год, ни год спустя, ни через девять лет. Он просто исчез – последняя жертва маньяка Геннадия Диксона. И историю о том, что произошло с мальчиком, этот нелюдь унес с собой в могилу.

Позже, став обеспеченной дамой, Лариса даже наняла частного детектива, но и он не смог внести в эту страшную историю ясность или раскопать какие-то новые факты. *Тимка просто сгинул, как будто его и не существовало...*

Лариса допила давно остывший кофе, взглянула на дисплей смартфона и с удивлением поняла, что два часа, отведенные ей рабочим на вскрытие секретной комнаты, истекли.

Расплатившись, она покинула ресторан и направилась обратно в новое здание холдинга. Оказавшись на нужном этаже, услышала громкие звуки дрели. Зайдя в кабинет опального банкира, увидела невысокого пожилого мужичка, лихо орудующего сразу несколькими инструментами.

Завидев Ларису, он отложил их в сторону и с улыбкой на лице произнес:

– Добрый день! Ну и задачку вы задали! Люблю такие. Замок вроде на первый взгляд простой, а когда начнешь в нем копать, выясняется, что весьма хитроумный. Кто-то постарался, чтобы проникнуть в тайную комнату без кода было практически невозможно.

Заметив, что стальная дверь все еще заперта, Лариса нетерпеливо спросила:

– Ну и что, вам удалось ее вскрыть?

Мужичок, видимо, тот самый Данилыч, улыбнулся еще шире:

– Обижаете! Нет ни одного замка, который бы нельзя было вскрыть. Все дело, конечно, в подручных инструментах и времени, которое имеется в наличии для осуществления данной операции.

Лариса поняла, что говорливый пенсионер с замком не справился. Что ж, зря она ждала в ресторане, потеряв два часа. Хотя, конечно, *не зря*. В годовщину исчезновения Тимыча, как и во все предыдущие годы, она все равно была не в состоянии нормально работать.

– Хорошо, сколько вам понадобится времени? – вздохнула она. – Сегодня справитесь? Или только завтра?

Данилыч крикнул:

– Говорю же, обижаете! Вы же сказали два часа – значит, два часа. И это с учетом, что мне сюда еще ехать пришлось... Так что еще пять минут, не более, и замок будет вскрыт!

Пять минут... Заслышав звуки дрели, Лариса отошла в другой конец большого кабинета. Да, пять минут. *За пять минут с Тимычем она бы...* Но какой смысл думать об этом?

...Сколько изменилось за эти девять лет! С Антоном после произошедшего у них, что самое странное, отношения вдруг наладились. Кажется, он даже порывался уйти от своей новой Ларисы, однако она запретила ему это делать. Какой смысл имело возвращение Антона в семью – *в семью, которой после исчезновения Тимыча больше не существовало?*

Дочке Антона и его Ларисы, теперь ставшей законной супругой, уже почти десять. *Как летит время!* Да, возможно, и летит, только для нее оно застыло. Когда-то она на полном серьезе думала завести второго ребенка, непременно мальчика, которого бы она обязательно назвала *Тимофеем*.

Но это была бы попытка войти дважды в одну реку. *В реку забвения, в реку отчаяния.*

Да, ей требовалось как-то забыть о том, что произошло. Хотя Лариса понимала, что никогда – *просто никогда* – ничего не забудет.

И все равно ее лечащий врач (после истерики в кабинете начальника столичного ГУВД пришлось обратиться к медицине) советовал найти новое занятие, вернее, хобби, например, увлечься спортом, начать изучать иностранный язык, писать маслом, сочинять стихи или играть на музыкальном инструменте.

Или даже завести собаку.

Как будто пиликанье на скрипке или прогулка с доберманом позволит ей забыть, что она потеряла сына! Точнее, что он исчез и ей пришлось смириться с тем, что он никогда больше к ней не вернется...

– Ну вот, не пять минут, а семь, за что приношу извинения! Однако замок нестандартный, швейцарская работа, – раздался голос Данилыча, и Лариса встрепенулась.

Нет, пора с этим завязывать. Уж слишком много она размышляет об этом... Знает же, что ничего не изменится, однако могла ли она что-то с собой поделаться?

Нет, не могла.

Она посмотрела на стальную дверцу, которая, казалось, как и пять, нет, *семь* минут назад, плотно сидела в пазах.

– И что удивительно, замок не связан с сигнализацией. Обычно в таких случаях его подключают к системе оповещения – локальной или даже внешней. Так, чтобы сразу, предположим, полиция или служба охраны прибыла и грабителей, которые пытаются вскрыть сейф, с поличным застукала, – продолжал говорливый пенсионер. – Но здесь ничего такого и в помине нет!

Рассеянно посмотрев на парадный портрет опального банкира, снятый с петель и прислоненный к стене, Лариса заметила:

– Наверное, отключили...

Данилыч усмехнулся:

– Да нет же, ее изначально не было. Как будто владелец не хотел, чтобы даже в случае ограбления возник большой переполох. Странно, очень странно. Или ему было что скрывать...

Посмотрев на изображение недавнего безмятежного императора Галактики, перешедшего теперь в категорию «отбросов жизни», Лариса подумала, что ему наверняка было что скрывать.

Только вот что?

Неужели они действительно наткнутся в тайной комнате на его неприкосновенный запас – ящики с долларами, евро и фунтами стерлингов, золотые слитки или аккуратно упакованные картины известных мастеров?

Или же тайная комната будет забита компрометирующими финансовыми документами, свидетельствующими о том, как банкир дурил своих кредиторов и клиентов?

Или что там может быть еще?

Ларису разобрало любопытство, и она подошла к двери. Данилыч произнес:

– Вы же сказали, чтобы без вас туда никто не входил! Так что прошу!

Лариса осторожно дотронулась до холодной серебристой поверхности, а затем взялась пальцами за кодовый замок и потянула дверь на себя. Та легко поддалась.

Лариса открыла ее и почувствовала немного затхлый запах. Присмотревшись, она разглядела контуры небольшого помещения. Лариса шагнула в него и попыталась нащупать на стене выключатель или что-то подобное.

Выключатель был, однако она напрасно щелкала им: свет в тайной комнате не загорелся.

Интересно, для чего ее можно теперь использовать? Для хранения секретных документов холдинга? Такие, конечно же, есть, но хранятся в ином месте. Придется, наверное, при перепланировке это помещение просто ликвидировать...

Лариса оказалась среди металлических полок, которые тянулись вдоль металлических же стен. *На полках ничего не было.*

Она едва сдержала разочарованный вздох. Убедила себя, что в тайной комнате должно быть что-то интригующее – а теперь расстроена, что это не так. Конечно, перед своим бегством опальный банкир выгреб все ценности, а компрометирующие документы уничтожил.

Ну, судя по тому, что он находится под следствием и ему грозит немалый тюремный срок, *далеко не все*. Но «император Галактики» всегда отличался завышенной самооценкой, поэтому наверняка не предполагал, что его финансовая империя просто-напросто развалится.

Один из подросевших рабочих протянул ей фонарик. Лариса поблагодарила, включила его, и по пустым полкам и матовым стенам запрыгал яркий лучик.

Ни тебе ящиков с наличностью, ни слитков золота, ни парочки шедевров экспрессионистов или кубистов. Ни хотя бы ящика с документами, которые бы уличали банкира в разворовывании сбережений клиентов!

Впрочем, в том, что он этим занимался, никто не сомневался, да и сам олигарх, кажется, не особо это отрицал (что было бы просто идиотично на фоне исчезновения почти всех миллиардных активов его банка), заявляя о своем праве вести «соответствующий» образ жизни и валя все на кризис и бездарных подчиненных.

Нет, здесь не было ничего интересного – точнее, *здесь вообще ничего не было!*

– Здесь ничего нет! – громко произнесла Лариса, намереваясь тотчас покинуть пустое здание и отправиться наконец в свой офис.

И в этот момент луч фонарика уперся в большую коробку, стоящую в самом низу, под металлической полкой, в углу тайной комнаты.

Лариса подошла к ней, осторожно пнула ногой – кто знает, что там? Быть может, сюрприз весельчака-банкира, отличающегося специфическим чувством юмора, для тех, кто рано или поздно проникнет в его святая святых?

Парочка дохлых тараканов – или *взрывное устройство*.

– Здесь, кажется, что-то есть! – произнесла Лариса.

В дверном проеме появился один из рабочих. Лариса снова пнула коробку. Нет, не такой банкир идиот, чтобы подкладывать бомбу. Да и как долго коробка уже стоит здесь?

Лариса наклонилась и осторожно извлекла ее из-под металлической полки. Коробка была не такая уж легкая.

Рабочий тут же пришел на помощь и вынес находку из тайной комнаты в пустой кабинет опального банкира.

Мужчины нервно столпились вокруг коробки, ожидая какого-нибудь подвоха.

– Ну что ж, никто из вас не рискнет заглянуть внутрь? – с улыбкой спросила Лариса.

Коробка была обычная, картонная, с лейблом некогда известного магазина стройматериалов, уже разорившегося и прекратившего существование. Кажется, он тоже принадлежал финансовой империи «императора Галактики», чей портрет в шортах и гавайской рубашке находился здесь же. Бывший банкир с ленинским прищуром взирал на тех, кто пытался разгадать его последнюю тайну.

Один из рабочих, переминаясь, неуклюже подошел к коробке, резко открыл ее и замер.

Вздыхнув, Лариса наклонилась и первой запустила в нее руку, слишком поздно подумав, что там может быть не взрывное устройство, а, например, капкан – *на такое банкир был вполне способен*.

Но вместо стальных челюстей капкана ее рука нащупала что-то мягкое. Лариса извлекала на свет божий большую плюшевую зеленую лягушку.

– Какая прелесть! – фыркнула женщина и протянула игрушку тому самому рабочему, который не рискнул запустить в коробку руку. – Не желаете ли в качестве утешительного приза?

Два других рабочих наконец раскрыли коробку, и Лариса, мельком заглянувшая в нее, заметила еще парочку плюшевых игрушек, а также старую одежду.

Прелестно, *просто прелестно!* Наверняка «император Галактики» в самом деле решил подшутить над теми, кто попадет в его тайную комнату, – и оставил там коробку, забитую старьем.

– Благодарю вас за ратный труд, джентльмены! – проговорила Лариса, обращаясь к рабочим. – Помнится, вам были обещаны премиальные за ваши подвиги? Вот, держите!

Она вручила по пятитысячной банкноте каждому из них и две – Данилычу. Рабочие явно остались довольны, а Лариса вдруг подумала, что, в сущности, получила удовольствие от этого закончившегося пшиком приключения.

Ведь ожидание праздника лучше самого праздника. *Однако о каком празднике могла вообще идти речь в девятую годовщину исчезновения Тимки?*

– А что с вещами-то делать?

Вопрос настиг Ларису, когда она уже находилась на другом конце кабинета. Обернувшись, она увидела рабочих, которые уже вытащили из коробки ворох старой одежды вперемежку с плюшевыми игрушками.

– Оставляю на ваше усмотрение, – ответила Лариса, – ведь вряд ли бывший хозяин этого здания возжелает получить их обратно. Мы, конечно, можем послать их в СИЗО или позднее, после вынесения приговора, в одну из зон, но там они ему не понадобятся. Хотя вот зимняя одежда, не исключено, ему будет нужна...

Кто-то из мужчин поднял и расправил одну из вещей, и Лариса поняла, что это комбинезон. *Детский.*

Детей, насколько она помнила, у банкира не было и в помине – он являлся убежденным холостяком, менявшим подружек, как перчатки.

– Гм, да тут все детское! – сказал Данилыч. – У них что, тут детский сад имелся?

Никакого детского сада при банке, конечно же, не было. Отчего-то Лариса ощутила сухость во рту, а потом почувствовала, что сердце забилося быстро-быстро.

– А вот игрушки, если постирать, можно и моим внукам отдать, – продолжал Данилыч. – Правда, пыльное все какое-то. И грязное...

Лариса отвернулась. Нет, нет, уж слишком все это напоминает ей о детях... О собственном ребенке. *О Тимыче...* Быстрее прочь отсюда, сесть в автомобиль и умчаться...

В автомобиль, который стоит в подземном гараже – в том самом, в котором, как она отчего-то была убеждена пару мгновений сегодня утром, находился Тимыч.

Тимыч, бесследно исчезнувший девять лет назад.

Не прощаясь, Лариса вышла вон и заспешила к лифту. Она уже была на середине коридора, когда до нее донесся отдаленный возглас одного из рабочих:

– Эй, осторожнее! Смотри, что тут на самом дне! Классный робот!

– Ничего себе! Интересно, он еще работает? – подхватил кто-то. – Это моему Сережке понравится!

– Почему твоему? У меня двое мальчишек, я им возьму! Они от этого Электроника в восторге будут...

Так Лариса в своей жизни не бежала еще никогда. Хотя почему, *бежала* – когда спустя примерно четыре месяца после исчезновения Тимыча позвонили из полиции и сказали, что его нашли. Но оказалось, что это тело другого несчастного мальчишки.

А вот с тех пор, вероятно, *не бежала*. Теперь же она бросилась сломя голову обратно в кабинет арестованного банкира.

Кажется, рабочие перепугались, увидев Ларису, которая, подобно фурии, вдруг вынырнула среди них из ниоткуда. Наверняка ее глаза горели, а на лице застыла угрожающая гримаса. Один из рабочих даже попятился.

Ее взгляд был прикован к той игрушке, которую он держал в руках.

– Отдайте мне его! – выдохнула она, не узнавая собственного голоса.

Рабочий немедленно протянул то, что вынул со дна коробки.

Лариса бережно взяла робота. Так и есть, это был Электроник, как гласила надпись на его груди. Вернее, конечно, *Электоник*.

Тот самый робот, который был у Тимки в день исчезновения – и которого, в отличие от ранца и одежды, так и не нашли.

Лариса осторожно осмотрела игрушку. Антон привез ее из одной из своих поездок куда-то в Сибирь, на конверсионный завод. Это был какой-то прототип или экспериментальный экземпляр. Причем вероятность, что у кого-то имелся второй такой же, была ничтожно мала: завод вскоре был продан, а производство перепрофилировано.

Подойдя к окну, Лариса еще внимательнее рассмотрела робота. Быть может, это все-таки другой экземпляр? Ведь если нет, то это будет означать...

– Нет, если вы хотите его для своего сына, то без проблем, – сказал рабочий, желавший угодить важной даме и *наверняка* ничего не знавший о судьбе Тимки.

Лариса не ответила, потому что не слышала его. Она продолжала рассматривать робота, трясась от непонятного возбуждения.

Или от страха.

Она этого не помнила, но теперь воспоминание вернулось к ней, как будто взорвалось в голове разноцветным фейерверком.

В слове «Электроник» буква «р» была почти стерта, поэтому Тимка и называл своего робота в шутку «Электоник». А на левой ноге имелась выщербина, которая возникла оттого, что Тимка уронил его с балкона, но робот, слава богу, приземлился на клумбе.

Лариса глубоко вздохнула. И впервые за все эти девять лет ощутила, что тупая ржавая игла, засевшая в ее сердце в день, когда исчез Тимка, вдруг пропала.

Хотя всего на пару мгновений, чтобы потом с утроенной силой снова пронзить ее сердце.

Нет, это был не подобный робот. Тот Электроник, которого она держала в руках, и *был роботом ее сына Тимофея, бесследно исчезнувшего девять лет назад, похищенного убийцей детей Геннадием Диксоном.*

Три дня спустя

Лариса взглянула на франтоватого адвоката, господина Светлого, владельца одной из самых известных юридических контор столицы, и убедилась, что он в самом деле может говорить, не переводя дух, в течение часа – *причем далеко не в переносном смысле.*

Весь тот час, что они находились в пути от конторы Светлого до столичного СИЗО, в котором содержался опальный банкир, законник сыпал на нее фактами, цифрами и наименованиями параграфов.

Лариса во время этой поездки, казавшейся ей бесконечной, практически ничего не сказала. Впрочем, имея такого спутника, как господин Светлый, говорить что-либо и не нужно.

– Вот мы и на месте! – воскликнул адвокат и извлек свой изящный смартфон. Позвонив кому-то, он стал докладывать, что они прибыли и, *согласно их договоренности...*

Заглушив мотор, Лариса уставилась вдаль, думая, что последние три дня прожила словно на автопилоте. Потому что, обнаружив в коробке, найденной в тайной комнате опального банкира Ильи Люблянского, игрушечного робота своего пропавшего сына Тимки, Лариса поняла, что это тот подарок судьбы и тот знак, которого она все эти годы ждала.

...Первым ее порывом было немедленно обратиться в полицию и Следственный комитет, благо у нее имелось много высокопоставленных знакомых и там, и там. Однако, поразмыслив, она решила *пока что с этим повременить.* Наверстать упущенное можно будет в любой момент, но ведь прошло девять лет, и торопиться не следует.

Тем более что правоохранные органы не помогли ей ни тогда, при исчезновении Тимки, ни позднее, когда она раз за разом обращалась к ним, желая сначала получить информацию, а затем передать свою, собранную нанятым частным детективом.

Каждый раз ее отфутболивали – вежливо, но бескомпромиссно. А в последний раз какой-то чин заявил, что они ей, конечно, благодарны, но стоит принять как данность, что ее сын давно умер и дело закрыто.

Она так и поступила – попыталась смириться. И даже думала, что ей удастся начать новую жизнь.

Но тут всплыл этот робот. А еще куча детской одежды и игрушек. В тот день Лариса забрала коробку с вещами, одарив рабочих всем содержимым своего портмоне – они остались не просто довольны, а едва ли не на руках отнесли ее к автомобилю, радуясь, что глупая дамочка всучила им столько бабок за ненужное тряпье, к тому же старое и чужое.

Для них это и было старое тряпье, а для нее – нет. Потому что помимо робота Электроника, который, вне всяких сомнений, принадлежал Тимке, в коробке имелись плюшевые игрушки и одежда *других жертв маньяка Диксона.*

Игрушки и одежда, которые исчезли вместе с ребятами больше десяти лет назад.

В просторной квартире Ларисы, расположенной в одном из стеклянных небоскребов, имелся архив, который содержал эксклюзивную информацию, связанную с жуткими деяниями Геннадия Диксона.

И с исчезновением Тимки. А также и других ребят.

Официально Диксону приписывалось шесть похищений и убийств, причем последней жертвой, так и не найденной, был Тимыч.

Ларисе – при помощи деятельного частного детектива – удалось установить, что жертв, вероятно, было больше, гораздо больше. Общее число составляло на данный момент тринадцать – *чертова дюжина Геннадия Диксона.*

Это означало, что правоохранительные органы случайно или намеренно просмотрели как минимум семь похищений и убийств. И не пожелали принять во внимание информацию, которую им предоставила Лариса.

Вещи она отправила на экспертизу в детективное агентство, и спустя день стало ясно: *да, они принадлежали пропавшим детям*. Причем только два мальчика числились в официальных жертвах. Остальные были жертвами неофициальными – и правоохранительными органами не признанными.

Кроме того, среди найденных вещей имелись принадлежащие как минимум одной жертве, которая не значилась ни в официальном списке, ни в неофициальном.

Следовательно, их было уже четырнадцать. *Как минимум четырнадцать*. А вероятнее всего, еще больше.

Значит, она была на верном пути. Геннадий Диксон оказался еще более жутким и, что ужаснее всего, *действенным* серийным убийцей, чем считалось ранее.

Лариса помнила предположения одного следователя, который давно уже находился на пенсии и с которым у нее установились дружеские отношения. Он исходил из того, что Диксон действовал с кем-то на пару. *С другим маньяком, помогавшим ему похищать, истязать, а затем и убивать несчастных мальчишек*.

Вероятно, в этом дьявольском тандеме главным был именно Диксон, а другой, безымянный убийца, – его, так сказать, подмастерье. *Подмастерье сатаны*, окрестила его Лариса. Диксон отправился в ад, а его дружок, растерявшись, не знал, что делать. *И прекратил убивать*, тем более что не владел всеми нужными навыками, так как не окончил курс обучения у своего преподавателя, Геннадия Диксона.

Она ведь все эти годы ждала. Потому что если имелся напарник, то он наверняка после смерти Геннадия Диксона затаился и лег на дно. Еще бы, ведь он сам вышел сухим из воды: убийства повесили на главаря, который был мертв. И никакого второго маньяка, по официальной версии, и в помине не было.

Но рано или поздно – в этом был уверен и следователь-пенсионер, и частный детектив, и сама Лариса, – рано или поздно напарник должен был снова приняться за старое. Один – *или с новым поделщиком*.

Только на этот раз «подмастерье сатаны» стал бы главным, умудренным опытом и испепеляемым жуткими, нестерпимо волнующими его извращенную душу воспоминаниями.

Лариса ждала, однако исчезновений и убийств, подобных тем, которые практиковал Диксон, не фиксировалось. Во всяком случае, *официально*.

Частный детектив отслеживал динамику преступлений и докладывал Ларисе обо всех аналогичных случаях. Но все свидетельствовало о том, что «подмастерье сатаны» не вышел на тропу войны – точнее, *на тропу новых убийств*.

Это могло иметь разные причины. Предположим, «подмастерье сатаны» решил больше не убивать. В это не верилось. Он мог не убивать год, два, даже пять. *Но целых девять лет...*

А если он все же не убивал, то для этого должно было существовать логичное объяснение.

Например, он мог оказаться за решеткой, причем на долгие годы. Тяжело заболеть. Или переехать в другой регион. Или, в конце концов, умереть.

Меньше всего Лариса хотела, чтобы он умер, хотя это было бы лучшим разрешением проблемы. Тогда «подмастерье сатаны» точно не сумел бы причинить никому вред и совершить новое убийство.

Но ведь тогда исчез бы последний человек, который бы мог...

Нет, не сказать, что случилось с Тимычем. Этого она знать не желала, хотя имела представление, *как* убивал Геннадий Диксон.

Он мог бы привести ее на место, где находились останки ее сына. И она хотя бы смогла по-человечески захоронить их.

Частный детектив отслеживал и сообщения из других регионов – «подмастерье сатаны» мог сменить место дислокации и ареал охоты.

Да, жуткие убийства происходили и в других местах, но нигде не вырисовывались те же схемы, что в деяниях Геннадия Диксона.

И это значило, что *«подмастерье сатаны» мог изменить схему своих злодеяний и убийств.* И если это в самом деле имело место, то могло оказаться, что он уже давно наносит новый удар за ударом, не исключено даже, что в Москве, пока они все считают, что он бездействует.

Но психолог, сотрудник детективного агентства и специалист по серийным убийцам, был уверен, что если напарник Геннадия Диксона и внесет в свою схему изменения, то лишь незначительные. Он не станет вдруг убивать девочек, если раньше убивал мальчиков. И не решится потрошить их на улице, если прежде похищал и истязал. То есть характеристики серийных убийств должны остаться теми же, а варьироваться могут только малозначительные детали.

Но в том-то и дело, что никаких новых похищений и убийств, соответствующих прежнему шаблону, не фиксировалось. Сначала Лариса была крайне этому рада – ведь это значило, что их предположения неверны, никакого «подмастерья сатаны» не было и нет и детям ни в Москве, ни где бы то ни было еще не грозит ужасная участь.

По крайней мере, от рук этого мифического напарника Геннадия Диксона.

Но с каждым годом беспокойство, сначала малоощутимое, возрастало. А что, если они что-то просмотрели? Что-то не учли? Пропустили какую-то важную деталь?

И убийства продолжают, только скрытые и общественностью не воспринимаемые?

И дело вовсе не в том, что ей не было суждено узнать, где же покоятся косточки Тимыча.

А в том, что погибают новые дети.

И вот эта ужасная находка в девятую годовщину исчезновения Тимыча – *нарочно не придумаешь.* Находка в тайной комнате опального банкира Люблянского.

Который, как она выяснила только сейчас, являлся выпускником того же самого технического вуза, в котором преподавал некогда Геннадий Диксон. Разница между банкиром и ныне мертвым убийцей детей составляла всего два года, *так что они вполне могли знать друг друга.*

Странно, ведь вместе с частным детективом и следователем-пенсионером они предполагали, что «подручного сатаны» надо искать в ближайшем окружении Диксона. Или среди членов его семьи (однако, кроме пожилой матери, а также двух таких же пожилых теток и двоюродных сестер, которые были вне подозрений, в семействе никого не было, то есть вообще не было мужчин), или *среди студентов и работников вуза, в котором преподавал Геннадий Диксон.*

Они, конечно, искали, но подозреваемых было слишком много, да и многие находились теперь не в Москве, а в других городах и даже за границей.

Не исключено, что банкир Люблянский тогда тоже попал в их поле зрения, однако тогда он еще был не «императором Галактики», а начинающим бизнесменом.

И не исключено, что помощником маньяка Геннадия Диксона.

Дать ответ на этот вопрос мог только сам Люблянский, находящийся под следствием и содержащийся в СИЗО. Потому-то Лариса и обратилась к адвокату банкира, господину Светлону, наговорила какой-то ерунды, которую он тем не менее воспринял с энтузиазмом, уверила, что она желает помочь его подопечному, не сомневается в его невиновности и что ей крайне необходимо поговорить с банкиром с глазу на глаз.

Ибо начать разговор с того, что она считает Люблянского причастным к серийным убийствам детей, было бы неразумно и уж точно нерезультативно.

– У вас паспорт с собой? – обеспокоенно спросил адвокат, вновь вырывая Ларису из воспоминаний.

– Конечно, – ответила она. – А у вас?

Адвокат задержался, заголосолил, что в самом деле забыл паспорт, стал уже хвататься за смартфон, чтобы позвонить в офис и отдать распоряжение привезти ему документ к СИЗО. Но Лариса запустила руку в карман дорожущего кашемирового пальто законника и извлекла оттуда его паспорт, уголок которого заметила ранее.

– Ах, милая моя, вы просто гений чистой красоты! – воскликнул Светлый. – Ну что ж, по поводу того, что можно брать и что нет, я вас уже проинструктировал. И кстати...

Он кашлянул и взглянул на Ларису.

– Почему вы хотите говорить с Ильей Андреевичем тет-а-тет? Понимаете, это было не так легко устроить, тем более что вы ему не родственница и не жена... Я понимаю ваше желание не иметь подле себя сотрудников СИЗО, но ведь я его адвокат! Это связано с тем, что ваш холдинг приобрел здание, принадлежавшее раньше моему клиенту?

Лариса знала, что Светлый, несмотря на свою комичную внешность и повадки рассеянного добряка, на самом деле обладает хваткой тигровой акулы и весьма, *весьма* опасен. Иначе бы он не стал одним из лучших адвокатов по уголовным делам в столице.

– Связано, – ответила Лариса, не собираясь посвящать адвоката в то, что ей стало известно, – причем настолько, что мы с шефом имели пространный разговор о судьбе вашего клиента. Я всегда считала, что он невиновен и что это преследование со стороны силовиков и намеренное обанкрочивание его финансовой империи кем-то инициировано. Теперь же мне стало известно имя высокопоставленного заказчика...

Ухо адвоката Светлого, и без того немаленькое, казалось, прямо на глазах увеличилось в размерах, и законник пропел:

– Скажите, прошу вас, скажите! Неужели это...

Он назвал громкое имя.

– Или даже...

Он назвал другое.

– Или, что было бы просто невероятно, сам...

Имени он в этот раз не назвал вовсе, хотя и так было понятно, кого он имеет в виду. Лариса же, напустив на себя таинственности, произнесла:

– Нет, сказать вам ничего не могу. Вы же понимаете, когда замешаны столь высокопоставленные люди, голословные обвинения чреватые. Вы ведь не хотите, чтобы у вас были неприятности?

Адвокат Светлый явно не хотел, поэтому, пересилив природное любопытство, произнес:

– Понимаю, вы хотите сначала обсудить это с Ильей Андреевичем с глазу на глаз. Однако помните, даже у стен имеются уши! Я сразу понял, что за всем этим стоят могущественные люди!

Лариса сделала скорбное выражение лица, а потом открыла дверцу автомобиля.

После всех необходимых процедур их подвели к массивной, зеленого цвета металлической двери, которая отчего-то напомнила Ларисе *другую* дверь – ту, за которой обнаружилась коробка с детскими вещами. *И с роботом Электоником ее сына Тимки.*

Сотрудник СИЗО отпер ее и, пропуская их внутрь, произнес:

– У вас есть ровно час!

Лариса шагнула вслед за адвокатом и увидела сидящего за металлическим столом опального банкира Илью Люблянского.

Он выглядел иначе, чем на своем парадном портрете, прикрывавшем ту самую дверь в тайную комнату. И иначе, чем некогда на страницах глянцевого журнала и бульварных газеток.

Длинные кудри, являвшиеся многие годы его фирменным знаком, исчезли: Люблянский был коротко острижен. Лариса поняла, что раньше этот тип красил волосы, потому сейчас он был абсолютно седой.

Неужели по причине обрушившихся на него несчастий?

Исчезла и стильная небритость, которая раньше придавала ему вид божественного художника. Люблянский отпустил короткую бороду, которая, в отличие от волос на голове, была черна, без единого седого волоска.

Теперь он выглядел как опереточный Мефистофель.

Нет, не как Мефистофель. Как *Румпельштильцхен* на анаболиках – злобный карлик-демон из одноименной сказки братьев Гримм, который хотел забрать у королевы ее ребенка. Эту сказку они слушали с Тимычем на кассете несчетное количество раз, и каждый раз Лариса вздрагивала, когда до нее доносилась ехидная, злорадная, торжествующая песенка пляшущего у костра в дремучем колдовском лесу монстра, который готовился лишить мать ребенка.

И ей на ум пришли эти строки, только немного видоизмененные:

Сегодня миллиардом верчу, завтра в СИЗО сижу.
Послезавтра у Снежной королевы Ларисы дитя заберу.
Как хорошо, что никто не знает,
Что Ильей Люблянским меня величают!

Да, это был уже не подмастерье сатаны, а сатана собственной персоной... Лариса наконец рассмотрела сидельца СИЗО.

Экс-банкир заметно сбросил вес, что, однако, ему шло. От прежнего «императора Галактики» ничего не осталось, но Лариса заприметила точно пойманный модным столичным художником и запечатленный на парадном портрете волчий прищур и циничный взгляд выпуклых водянистых глаз.

– Добрый день! – произнес Люблянский, поднимаясь с металлического стула и приветствуя их жестом радушного хозяина – словно они находились не в СИЗО, а на одном из его некогда известных всей тусовке эксклюзивных вечеринок.

Эксклюзивные *закрывые* вечеринки. На которых происходило черт знает что – и, вероятно, даже еще более того, с учетом вещей убитых детей, которые сей финансовый гений хранил в своей секретной комнате.

Лариса молча кивнула, а Светлый тотчас принялся сообщать последние новости. Люблянский же, явно не слушая его, подошел к Ларисе и протянул руку.

– Мы, кажется, с вами незнакомы? А вот вашего шефа я имею честь знать, хоть и шапочно. Ведь в некоторых сферах у нас были общие, хотя и разнонаправленные, интересы.

Лариса припомнила, что шеф, кажется, увел у Люблянского из-под носа выгодного инвестора. Она посмотрела на банкира и произнесла:

– Лариса Ма...

Она запнулась. Надо же, после развода с Антоном, последовавшего вскоре после исчезновения Тимки, она взяла свою девичью фамилию. С чего бы это она вспомнила ту, прежнюю, которую уже много лет не использовала?

– Лариса Иванова, – сказала она, и банкир выкинул фортель – подражая мужчинам галантной эпохи, склонился и поцеловал ей руку.

В камере для свиданий, окна которой были забраны решеткой, а мебель намертво привинчена к полу, это выглядело нелепо.

Лариса внезапно ощутила, что ее рука мелко дрожит. Такого с ней никогда не случилось. Точнее, конечно, случилось, но давно, очень давно...

Не в этой жизни – *а в прошлой*, когда и фамилия у нее была мужа, а не своя собственная.

Поцелуй горел на коже, Лариса буквально выдернула свою ладонь из рук Люблянского и с большим трудом сдержалась, чтобы не вытереть ее о костюм.

Нет, ей не был противен знак внимания никакого мужчины, пусть и незнакомого. Но ведь этот мужчина, возможно, *причастен к исчезновению и смерти ее сына*...

– У вас интересная форма руки, – произнес банкир, внимательно рассматривая стоящую перед ним женщину. А потом вдруг взял и легонько повернул ее кисть ладонью вверх. – Точнее, очень необычная и редкая! Крайне редкая. Я ведь интересуюсь хиромантией, знаете ли...

Интересно, *заметил ли он, что рука у нее дрожит?* Если и заметил, то не подал виду. Лариса приказала себе сконцентрироваться и ничего не ответила. Хотя банкир явно ждал, потому что был уверен, что, заинтригованная его словами, она задаст вопрос и пожелает узнать, чем же так интересна форма ее руки.

И ее в самом деле подмывало это сделать, но Лариса сдержалась.

Выждав и поняв, что вопроса не последует, Люблянский расхохотался.

– Вот это выдержка, Лариса... Вы ведь разрешите мне называть вас так, без отчества, которого я и не знаю?

Лариса могла поклясться, что он прекрасно знал, какое у нее отчество.

– Понимаете, при важных деловых переговорах этот прием работает безотказно. Конечно, не с мужиками, хотя среди бизнесменов масса суеверных личностей, которые окружили себя персональными астрологами, составляющими им чудо-гороскопы, а также шаманами, потомственными ведьмами и прочими пройдохами эзотерического направления. Потому что все это, конечно, чушь. Ибо если что и правда – то это те знаки, которые мать-природа запечатлела на руке каждого из них. Мать-природа и судьба...

Светлый принялся рассматривать свою морщинистую лапу, а Люблянский продолжал:

– Поэтому с женами партнеров по переговорам этот прием действует безотказно. Женщины, как одна, верят в это. Ну, если не с женами, так с любовницами или секретаршами и помощницами, являющимися любовницами. А в одном случае, помнится, и с помощником, который оказывал своему боссу услуги не только в качестве референта...

Расхохотавшись, Люблянский обвел рукой комнату для свиданий.

– Что ж, прошу вас, присаживайтесь! Угостить вас, к сожалению, ничем не могу. А так бы приказал подать шампанского и икры.

Он играл роль гостеприимного и хлебосольного богатея. Пытаясь одновременно показать, что хоть и сидит в СИЗО, но по-прежнему является хозяином положения.

Лариса опустилась на металлический стул. Светлый, прекратив изучение своей ладони, произнес:

– Итак, Лариса Игоревна, милочка, давайте перейдем к самому важному! Вы сказали, что у вас имеется для моего клиента крайне важная и сугубо конфиденциальная информация.

Лариса кивнула.

Возникла пауза, причем банкир, снова опустившийся на металлический стул, не спешил задавать вопросы. Адвокат же сначала ждал, что Лариса что-то скажет, а потом нетерпеливо произнес:

– Ну так поведайте нам, кто «заказал» Илью Андреевича! Это ведь наверняка...

Он не завершил фразы, а Лариса без тени улыбки произнесла:

– Да, у меня имеется крайне важная и сугубо конфиденциальная информация для вашего клиента. Но именно для него, а не для вас!

Люблянский оглушительно расхохотался:

– Генрих, она ведь тебя уела, не так ли? Тебе вечно суждено быть облапошенным женщинами! А все дело вот в этой линии на твоей ладони. Давай покажу!

Адвокат Светлый, надувшись, спросил:

– Лариса Игоревна, как мне это понимать прикажете? Вы что, вынудили меня доставить вас к моему клиенту, организовать встречу без свидетелей, а называть имена не будете!

Лариса, не глядя на него, изучала все еще веселящегося Люблянского.

– Скажу. Но только вашему клиенту с глазу на глаз. Вы ведь не хотите быть втянутым в историю, которая может закончиться для вас плачевно?

Законник явно не хотел, поэтому, постучав в дверь, дождался, пока появился человек в форме. Сообщив, что подождет снаружи, он величаво удалился.

Лязгнула закрываемая дверь, и Лариса осталась один на один с Ильей Люблянским. Она продолжала изучать его, ничего не говоря. С лица банкира сползла улыбка, и Лариса увидела перед собой иного Люблянского – *холодного, расчетливого, неприятного*.

– Вы ведь ничего не знаете, не так ли? – произнес он. – И явились сюда вовсе не для того, чтобы назвать мне имя того, кто возжелал наложить лапу на мои активы. Это имя, собственно, мне и без вас известно, однако в суде его лучше не произносить...

Он ухмыльнулся, и Лариса вдруг ощутила, что душа у нее ушла в пятки. Вроде бы этот экзальтированный тип был ходячей карикатурой. *Но только на первый взгляд*.

В действительности перед ней сидел чрезвычайно опасный и хитрый негодяй.

– Отчего же, мне кое-что известно, – возразила она, – как и всем, кто общается с сильными мира сего. Однако, как вы сами заметили, имя того, кто организовал ваши неприятности, вам и так известно. Вы хотите знать, зачем я решила навестить вас в этом милом месте? Но вопрос не в этом!

Она замолчала, а банкир снова ухмыльнулся, только на сей раз это была не улыбка балагура, а гримаса садиста.

– А в чем же? – спросил он вкрадчиво.

Лариса посмотрела на зарешеченное окно и ответила, хотя и не сразу:

– А в том, почему вы согласились на встречу со мной. Хотя и понимали, что ничего нового и эксклюзивного я сообщить вам не смогу. Выходит, нужны не вы мне, а я вам.

Она снова сделала паузу, а Люблянский только хмыкнул, и от этого звука у Ларисы пробежали мурашки по коже.

– Башковитая вы баба, Лариса. Я ведь за вами все эти годы наблюдал. Нет, не следил, а именно что наблюдал. Конечно, не постоянно, а так, время от времени давал задание разузнать о вас то одно, то другое.

Лариса сжала кисти, скрытые от взора Люблянского металлическим столом, в кулаки. Ведь и тогда, когда исчез Тимка... Тогда ведь тоже оказалось, что некоторое время Диксон «вел» их, а она этого не замечала.

Диксон и его поделщик. *Маньяк-сэнсэй и «подмастерье сатаны»*.

Ведь все эти годы она думала, что ищет убийцу сына. Но не исключено, что и убийца не выпускал ее из поля зрения.

А она снова ничего не заметила.

Лариса ощутила, что ее начинает тошнить. Ей хотелось вскочить и убежать прочь. И никогда в жизни больше не видеть этого человека. Но она подумала об игрушечном роботе, который лежал на ее письменном столе в ее квартире. И о вещах других детей, которые, как и ее Тимка, стали жертвой безжалостного убийцы. *Или убийц.*

– Приятно осознавать, что вы уже на протяжении многих лет являетесь моим поклонником. И что ваши мысли только мной и заняты, – заметила Лариса, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более небрежно.

Люблянский оскалил идеальные, сверкающие белые зубы:

– Но не исключено, что и ваши – на протяжении многих лет – мной?

Это был удар под дых. *Или даже завуалированное признание?* Ведь если Люблянский являлся убийцей ее сына, вернее, сообщником убийцы Диксона, то он, конечно же, был в курсе трагедии в жизни Ларисы Ивановой, некогда звавшейся Ларисой Марыгиной. Потому что утаить шила в мешке нельзя. И если в последние годы бульварные листки больше не упоминали историю с ее бесследно пропавшим сыном, последней жертвой кошмарного педофила Диксона, то на заре ее карьеры, когда у нее еще не было влиятельных друзей и благодарных клиентов среди вершителей судеб и медиаперсон, эти факты регулярно обсасывали в газетах и на телевидении.

Так что убийца, узнав, что его желает видеть мать последней жертвы, наверняка понял, что это вряд ли случайность.

Последней жертвы? Последней официальной жертвы, ведь наверняка за эти девять лет были и другие...

Диксон сгинул, но ведь остался Люблянский... *И «подмастерье сатаны» сам превратился в вальяжного, заматеревшего рогатого.*

И этот вальяжный заматеревший бес сидит сейчас перед ней, небрежно закинув ногу на ногу.

– Что вы имеете в виду? – сипло произнесла Лариса, вдруг осознав, что разговор принял вовсе не тот оборот, на который она рассчитывала.

Ведь она была уверена, что прижмет отчаявшегося Люблянского к стенке. Пригрозит разоблачением, которое сулило бы ему пожизненное заключение, запугает неопровержимыми уликами, найденными в его офисе.

И выйдет отсюда, зная, где покоятся кости ее сына Тимьяча.

Зря, конечно, она задала этот вопрос, но он вырвался у нее случайно. Люблянский расмеялся, вновь превращаясь в весельчака и безалаберного прожигателя жизни.

– Исключительно то, что мы с вами и с вашим шефом на протяжении многих лет царили в этом затхлом мирке под названием столичный бизнес! Поэтому, даже если я не имел с вами дела напрямую, то собирал о вас информацию, так, на всякий случай. Как, впрочем, и о других крупных бизнесменах и политиках!

Лариса не поверила ни одному слову. Точнее, поверила, что Люблянский в самом деле собирал какую-то информацию, даже не компрометирующую, а находящуюся в свободном доступе. Но речь в данном случае шла об ином, *совершенно ином.*

– Так, значит, вы хотите знать, почему я согласился на встречу с вами? – спросил банкир. – Все очень просто. Мне ведь скучно сидеть здесь сиднем день-деньской! Хотя, конечно, не сиднем, ведь у меня, человека солидного и, несмотря на все неурядицы, денежного, имеются кое-какие привилегии. Поэтому на жизнь тут не жалуясь, хотя, конечно, здесь вам не шестизвездочный спа-отель, который удовлетворяет моим, надо сказать, не самым ординарным запросам. Но как отказать прелестной женщине, к тому же той, которой я тайно восхищаюсь, и не встретиться с ней? И пусть наше randevu будет не при свечах и без коллекционного вина, но так даже занятнее. Ведь я знаю, что этой прелестной женщине что-то от меня нужно.

Лариса молчала, собираясь с мыслями.

– Женщине, которой я так восхищаюсь! Ведь вам, Лариса, пришлось многое в своей жизни перенести и со многим справиться. И о многом забыть. Но вы не обо всем можете забыть, не так ли, Лариса?

Она подскочила, больно ударившись лодыжкой о привинченный к полу стул. Люблянский, плотоядно улыбаясь, взирал на нее своими выпуклыми, такими страшными глазами.

Он ведь все прекрасно понял! Лариса не сомневалась, что так оно и есть. Еще бы, ведь от Светлого он узнал, что здание его бывшего банка купил ее шеф. И, разумеется, Люблянский помнил, что хранилось в секретной комнате его офиса. *И понимал, что рано или поздно на эти вещи наткнутся.*

Лариса снова ощутила позыв бежать куда глаза глядят. Но если она так сделает, то никогда не узнает правды. И убийца сына в очередной раз восторжествует над ней.

Да и сможет ли она после своего позорного бегства и краха всех начинаний вообще жить в прежнем качестве?

Она посмотрела на Люблянского, который не скрывал своего триумфа. Еще бы, ведь, как сказал эксперт по серийным убийцам, наиболее отъявленные из этих маньяков получают особое удовольствие не от самого факта убийства, а от того, что потом снова и снова прокручивают кошмарные моменты в голове. И представляют себе мучения родных и близких тех, кого они отправили на тот свет.

Нет, если уйдет, она потеряет то, что позволяло ей жить все эти годы, – *надежду*. Она должна остаться и вступить в переговоры с убийцей сына.

Ибо Лариса уже не сомневалась, что сидящий напротив нее банкир Илья Люблянский был помощником Диксона и тем самым предполагаемым «подмастерьем сатаны».

– Вам нравится наблюдать за мучениями своих жертв, – произнесла она тихо. Это был не вопрос, а утверждение.

Люблянский, только что нагло тарашившийся на нее, вздрогнул, и ухмылка сползла с его лица.

– А также за мучениями тех, для кого жертва была сыном, братом, племянником, внуком...

Банкир попытался усмехнуться, но вышло у него плохо. Лариса заметила, что в его светлых глазах вспыхнул страх.

– Ведь никто не знает о том, что вам нравятся мальчики. Вы перед всеми корчили плейбоя, окружая себя грудастыми красотками с силиконовыми прелестями. Но сексуальное удовлетворение вы получаете только от истязания несчастных, беззащитных, находящихся в вашей полной власти...

– Прекратите! – завизжал Люблянский, попытался скинуть ногу, положенную на стол, однако сделал это как-то неудачно и полетел на пол.

Раздался смачный хруст, но Лариса не двинулась с места. Несколько мгновений спустя из-под стола появилась физиономия Люблянского. Из рассеченной губы и носа текла кровь.

– Мне нужна медицинская помощь! – взвизгнул он ошеломленно, а Лариса произнесла:

– Да, это так. Причем уже давно. Быть может, если бы в детстве ваши родители отдали вас опытному, вдумчивому психиатру, он бы сумел распознать ваши извращенные кровавые склонности. Он бы вас от них не избавил, однако сумел бы, вероятно, научить с ними жить, не воплощая ужасные фантазии в реальности. Но, думаю, вы бы все равно рано или поздно сорвались и сделали то, о чем так мечтали. И что делали уже множество раз. И чего оказались лишены здесь! И чего лишитесь навсегда, когда окажетесь в спецтюрьме для серийных убийц, где проведете остаток своей никчемной жизни, Илья Андреевич!

Банкир слушал ее, запрокинув голову и зажав нос двумя пальцами. Лариса достала из кармана пачку бумажных салфеток и швырнула на стол.

– Подотритесь. А не то еще скажете, что это я на вас напала и попыталась укокошить. Хотя я бы, как вы понимаете, сделала это с большим удовольствием.

Люблянский явно колебался, а Лариса с тонкой улыбкой добавила:

– Не бойтесь, салфетки не пропитаны кураре. Или цианидом. Или предпочитаете сидеть весь в крови? Впрочем, насколько я знаю ваши повадки, вас это сексуально возбуждает. Разрешите поинтересоваться, Илья Андреевич, у вас возникла эрекция?

Люблянский быстро схватил пачку, вытащил из нее сначала один платок, который прижал к носу, затем другой, которым промокнул кровоточащую губу.

– Думаете, Лариса, мое ридикюльное положение позволит вам достичь триумфа? – спросил он злобно. – Думаете, я не знаю, зачем вы сюда явились? И вам прекрасно известно, что это не вы мне нужны. Вы мне как раз ой как не нужны. А вот я вам!

Он был прав. Но Лариса не подала виду, а продолжала стоять, наблюдая за манипуляциями Люблянского.

А он, приведя в порядок свое лицо и дождавшись, когда кровотечение прекратится, скомкал запачканные салфетки, швырнул в угол и произнес:

– Но вернемся к основному предмету нашего разговора, Лариса. К моей эрекции. Вы хотите деталей? Хотите узнать то, что не дает вам спокойно спать, более того, спокойно жить последние, дайте-ка мне подумать... последние девять лет?

Лариса смотрела в измазанное засыхающей кровью, самодовольное лицо банкира. Еще немного, и он признается! *А тогда...*

– Может, и хотите, но сказать мне вам нечего! – произнес он вдруг весело. – Потому что я понятия не имею, что вам сказать! И вообще, мне как мужчине льстит ваш интерес к моей эрекции, и клянусь, что удовлетворю его, как только выйду на свободу. Однако мне странно, что вы заявили сюда, дабы поведать мне какие-то бредовые истории, не имеющие ко мне ни малейшего отношения. Кажется, у вас не все дома, Лариса! И это не мне, а вам нужна помощь квалифицированного психиатра. Могу, кстати, посоветовать...

Лариса поняла, что момент упущен. *Если вообще этот момент был.* Ведь Люблянский ждал ее, а значит, продумал стратегию общения с ней. И она не могла ошарашить его имеющейся у нее информацией и вынудить признаться в убийстве Тимы.

И других ребят.

Но, как всегда в жизни, он недооценил роль случайности. *И силу земного тяготения.* Ведь в планы Люблянского явно не входило шарахнуть носом и губой о ножку стула.

Но у него был план – *только вот какой?*

– Так что если вам больше мне нечего сказать, то, увы и ах, должен констатировать, что наше общение завершено, – произнес он. – Но вот если вам есть что мне предложить, то прошу вас сесть. Я ведь и сам сию!

Хохоча над своей сомнительной остротой, банкир галантно подал Ларисе упаковку с оставшимися салфетками.

Лариса проигнорировала его жест и медленно опустилась на стул. Раз она пришла сюда, то не имеет права уходить, не узнав правды. Ведь она мечтала когда-то о пакте с дьяволом. И вот он – пусть и не сам, пусть только в обличье одного из своих подмастерьев – развалился напротив нее.

Только хвоста и копыт не хватает. Лариса ощутила непреодолимое желание заглянуть под стол, чтобы убедиться – *а нет ли у Люблянского в самом деле этих непременных атрибутов повелителя ночной тьмы?*

– Прекрасно, Лариса, ведь в ногах правды нет, – заметил, обретая свою прежнюю уверенность, Люблянский. – Как, впрочем, и в других частях тела...

Он снова оглушительно расхохотался, а потом постучал себя по голове.

– И не будьте пошлячкой, Лариса. Я ведь знаю, о чем вы сейчас подумали. Я же имел в виду исключительно мозг. Знаете, почему, несмотря на заказ одного крайне влиятельного противника, мне так и не смогли впаять «двушечку», «семерочку» или сразу «десяточку»? Потому

что документов-то практически не существует! А те, что есть, ни в чем меня не уличают. Ибо все то, что представляет для меня опасность, у меня здесь!

Он снова постучал себя по голове.

– Да, да, все эти бесконечные вереницы цифр, дат, названий кредитных заведений и номеров счетов. Память у меня феноменальная. И, поверьте мне, не только на числа или даты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.